

Геннадий РАХМИЛОВ

*СОЧИНЕНИЯ МЕЖДУ
ДЕЛОМ*

Обложка

ГЕННАДИЙ РАХМИЛОВ

**СОЧИНЕНИЯ
МЕЖДУ ДЕЛОМ**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «XXXXXXXXXX»
2016**

ИНФОРМАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Примечание автора

Уважаемый читатель! Перед Вами первое издание произведений, подготовленное мною к предстоящему юбилею, пятидесятилетию, как завершение этапа становления моего творчества. Все произведения, составляющие сборник, написаны в течении последних четырех лет. По невыясненным мной причинам, именно после своего предыдущего юбилея, ко мне стала нисходить милость Эвтерпии. Ранее писавший только в юности, я стал записывать все, что мне было неожиданно ниспослано. Отчасти мистика. Однако, во мне открылся новый жизненный интерес, и я совсем не против этого. Нельзя не сказать о благотворной роли интернета, позволяющего получить обратную связь с Вами, мой дорогой читатель, а также оценить качество своего творчества, обсуждая соответствующие удачи и недочеты.

Моя благодарность людям, которые интересуются современной поэзией и подстегивают продолжать заниматься этим видом творчества. Хочу особенно поблагодарить за это тех людей, которые были первыми слушателями и критиками моих произведений, любезно принимали мое начинание и, может быть с нетерпением, но дожидались окончания прочтения, проявляя такт и определенный интерес. Позвольте назвать этих людей. Возможно, им будет приятно увидеть здесь настоящее упоминание: Ильягуевы Сергей, Мая, Изабелла; Нахшуновы Лев и Юлия; Юсуфов Владислав; Данилов Данил; Михайлова Ирина; Бабиевы Марк и Зинаида; Чернов Александр; Фарманян Татьяна; Антипов Борис; Дятлова Светлана; Тимерханова Наиля; Рахмилов Исай; Абрамовы Захар и Марина; Амсалем Лена и конечно же, моя мама, Рахмилова Рая.

В сборник включены три книги под названиями «Очаг», «О, женщины!» и «Ущелья». Темой первой книги является мое мироощущение, данное мне дагестанской землей, городом Дербентом, в котором я вырос, столицей, в которой я живу с юности и очень ее люблю – Москвой, и государством Израиль, в котором живут мои близкие, моя мама. Во второй книге собрана любовная лирика. Благодарен женщинам, которые были мне музами при написании стихов, отчасти они написаны для них и в их честь. Третья книга о жизни, о душе, о мистике, которая сопровождает наш жизненный путь.

Совсем немного о себе: родился 19 апреля 1967 года в городе Дербент Дагестанской АССР, с 1983 года проживаю в г. Москва; окончил МИТХТ; отслужил срочную службу в ГСВГ; член российского союза писателей с 2014 года.

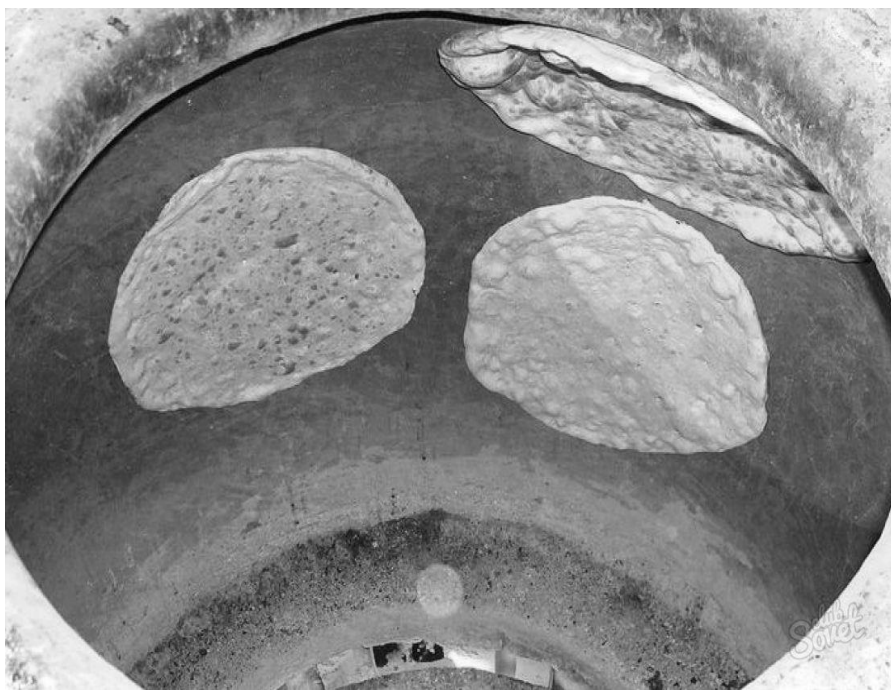
Я как сок виноградной лозы
Собирал для читателя строчки,
Здесь о крае моем, о любви,
И о суетной жизни немножко.

Терпким вкусом, мускатной слезой,
Изабельными нотками щедро
Я делюсь, восхищаясь грозой,
Пеньем птиц, дуновением ветра.

Не устану любить и ценить
Маму, родину, женщину-музу,
Предлагаю и Вам пригубить,
Не стихи вы читаете - душу.

*Приятного, я надеюсь, прочтения!
С уважением, Ваш, Геннадий Рахмилов.*

Очаг

Мой город Дербент

Я вспоминаю улиц тишину,
Осенних ливней сочную прохладу,
Восторги от нечастых снегопадов,
И знойный день и раннюю весну,
Богатство края, соль родной земли
Во вкусе сочных ягод винограда,
Особый дух, особая отрада
Во всем вокруг, куда ни посмотри.

Нарын-Кала в объятьях горных круч,
И маяка ритмичное свечение,
Роскошной эстафетою цветение
От миндаля до алычи и груш,
Восход на море и закат в горах,
Гнездовья ласточек под кромкой окон,
Ребячливые, белые до сроку,
Щенки тюленей в Каспия волнах.

Чтоб посмотреть на город с высоты,
Взойдешь на крепость, обходя магалы,
Там где вдоль стен ковровые развалы,
И перехватит дух от красоты.
Куда не взглянешь, чудно как в раю:
В красе церква, мечети, синагога,
Вот там мой дом, в тоннель ведет дорога,
И я орлом над городом парю.

Названия всплывают чередой
Дербентских улиц, будто здесь вершилось:
Буйнакский, Канделаки, Пугин, Киров
И Кобяков, как дань эпохи той.
Таги-Заде - здесь все старо как мир,
И Ленина, что вроде годекана;
Киосками «Печать», «Лото» - стаканом,
Кинотеатром «Родина» - ампир.

У побережья запах поездов
И аромат волнующего бриза,
Когда идешь по ломанным капризным
Махачкалинской, Красною Зарей.

По вечерам, соседи во дворах
О том о сем судачат вдохновенно,
Чай в армуда'х и нарды непременно,
Пока заря не спрячется в горах.
Я помню всех: и взрослых и детей,
Новруз-байрам и пасху, угощения -
Тарелочки соседского общения,
От крашенных яиц до куличей.

Ты и сейчас прекрасен, город мой -
Почтенный аксакал, проживший вечность,
Преполнен мудрости, глядишь беспечно
На горожан, на горы и прибой.

Лезгинка

Еще с языческих времен в горах,
В сплетениях народов, поколений,
На коренных отточен мастерах
Стремительного танца мудрый гений.

Орел присев, ждет воздуха порыв,
Поймав его, вдруг воспаряет птица -
Возносит тело, на носках застыв,
Танцор, чтоб в вихре танца очутиться.

Передавая гордой птицы нрав,
Он падает, добычу настигая,
Прикрикнет: «АССА!» - вздернув вверх рукав,
Прыжком привстанет будто бы взлетая.

Он кружит в танце, и крылом своим
Партнершу нежную оберегает.
Ногами чётко отбивает ритм,
Врагов невидимых прочь отгоняет.

Свой характер предъявить и стать,
Разглядывать ведомую тобою;
Где, как не в танце, можно все сказать
О чувствах пылких горцу молодому.

Лезгинка вновь затягивает в круг,
От тактов первых будто бы пьянею,
Мне на овации не жалко рук -
Как жаль, что танцевать я не умею.

Многообразие культур роднит
И мужество, и грациозность сразу.
Лезгинка - страсть, исконный колорит,
Искусство и сокровище Кавказа.

Мама

Спасибо Г-ду, что есть на свете ты,
Что опекаешь, хоть порою зря.
Среди привычной жизни суеты,
Ты луч тепла и света для меня.

Мне до тебя по небу тыщи верст,
Но неразрывна между нами нить,
Кажусь себе я бесконечно черств,
Когда тебе забуду позвонить.

Пушистый снег витает за окном,
А за твоим несносная жара,
Смотрю я в даль и на душе тепло -
Ты будто рядом, как всегда добра.

Вновь не удержишь вырвавшихся слез,
Когда к тебе я в гости прилечу
В край бугенвиллий из страны берез,
А я, чтоб радовалась ты, хочу.

Флажочек чувств

Мечта щемящий оставляет след
На месте том, где ты ее лелеял;
Волнует память через много лет
Флажочек чувств, оставленный навек,
Что выцвел и ослаб, но все же реет.

Старый виноградник

Как воины в сраженьях исковерканы,
Шеренги лоз фалангами стоят,
Почтенною ворсистостью увенчаны,
Прогнулись, будто раны их саднят.

В равнении на солнце, тянут спины,
Являя жизнелюбия пример,
Размашистые плечи запрокинув
На гнущуюся проволоку шпалер.

Пригревшиеся, лопаются почки,
Восторженный приковывая взгляд,
Нежнейшие зеленые листочки
На воинстве как праздничный наряд.

Свалиться, будто, навзничь опасаясь,
Побеги стрелами пронзают высь.
Их щупальца, к шпалерам прикасаясь,
Прижавшись, тонкой змейкой обвилились.

Прелестный из божественных посланцев,
Нальется и созреет виноград,
И кисточки инопланетных пальцев
Нектаром жизнь людскую усладят.

Почтенный благодатный виноградник,
Вобравший солнца свет и свежесть гроз,
Привязанный к земле судьбою странник,
Пусть долгод будет век чудесных лоз.

По Сальмана

По Сальмана* несли в последний путь -
В последний путь последнею дорогой.
Машины притормаживали чуть,
Чтоб пропустить, не мчаться перед гробом.

В молчании несли, рука к руке
Попеременно подступала крепко,
Как селевой волной несло в реке
В иные дали сбившуюся щепку.

Зеваки у кладбищенских ворот,
Слова прощанья редкие у древа,
Как дорог был, любим, ценим был тот,
Кого уложат тлеть в земное чрево.

Потерянные из виду - как, здесь?
Скоропостижно, жаль, осталась вера,
Что души не исчезли, где-то есть
Для них приют в потусторонних сферах.

По Сальмана несли в последний путь -
В последний путь последнею дорогой
В рай неземной, земной остался тут,
Где так недавно бегал босоногим.

**Сальмана - улица в г. Дербент*

Мое село

Что для меня село - мои родные,
Отцовский дом и старенький погост,
Река, родник, канавы поливные,
Овраг и тополя в огромный рост,
Тяжелый труд, житейские заботы,
Лопата, вилы, тяпка и коса,
И россыпь звезд на чистом небосводе,
Под пятками прохладою роса,
Крик петуха в предчувствии рассвета,
Корова, овцы, птица и осел,
И аппетит, нагулянный работой,
Сыр с хлебом из печи и разносол,
Купанье в речке, радость от рыбалки,
Когда сазан подсядет на крючок,
Семейка ласточек в сенях под балкой,
И песню распевающий сверчок.

Мое село - сады и огороды,
И налитыми гроздьями лоза,
Весенний цвет - триумф самой природы,
И слякоть разводящая гроза,
Собачий лай студёною зимою,
Особый вкус воды из родника,
Не оттого ль село в ладу со мною,
Быть может, что люблю издалека.

Да, городской, по духу же сельчанин,
Пусть и привык к удобствам и теплу,
Но если б дали жизнь начать сначала,
Я рад бы был отдать ее селу.
Сказать смогу ль когда, что жизнью полной
Мне довелось прожить без дол и рек,
Без огорода, без работы в поле,
В гармонии с собой - как человек?

Нежность

Не бархатность, не шелковистость,
А теплой шалью ветерок.
Не тишина, не голосистость,
А колыбельной говорок.

Ласкающий, пьянящий запах,
Беспечною истомой лень,
Забота на шершавых лапах,
Как землю глядящая тень.

Услада трепетных признаний,
Синь неба, штиль, и легкий бриз,
И теплота воспоминаний,
Души исполненный каприз.

Гармония, любви безбрежность,
Всепроникающая нежность.

Отчий дом

В часы покоя и раздумий
Я вспоминаю отчий дом,
Средь бугенвиллий и петуний
Он теплым видится гнездом.

Глазенками залетной птицы
На окна с улицы смотрю,
Душа далёко, но гнездится
Средь тех, кого я так люблю.

Отец и мама, брат, сестренка,
Племяшек полный туесок,
Смотрю и радуюсь в сторонке,
Тревожусь чуть, храни Вас Б-г.

Мой дед остался молодым

Мой дед остался молодым
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим
Убит был на войне.

Холодный ветер гонит смог.
Боец лежит в крови.
И только в этот день он мог
Вернуться в Аглоби.

.....

Река, саманный отчий дом,
Погост и стон зурны,
Родник, овраг и степь кругом -
Все, как и до войны.

На годекане у реки,-
Не изменить уклад,
Сидят степенно старики,
Глядя на водопад.

Неспешно возятся в саду
Вдвоем, отец и мать,
Детей учили вы труду,
Любить, не унывать.

Отец, ты не всегда был строг,
Я помню с теплотой,
Как слез ты удержать не мог
В прощании со мной.

Гоняет обод-колесо
Подросший старший сын,
А вслед вприпрыжку голышом
Мчит маленький за ним.

И лишь теперь я разгадал
Протяжный стон зурны -
Сынок, я твоего так ждал
Рожденья до войны.

На поле собраны хлеба
Уже давным-давно,
Но ртов голодных голытьба
Здесь рыщет все равно.

Немного колосков сестра
Сыскала на земле,
Лепешку испекла с утра
В тандыре на золе.

Как ныне горько наблюдать:
В предчувствии, тайком
О чем то тихо молит мать,
Лицо прикрыв платком.

Жена идет от родника
С кувшином на плече.
Прости, что ноша нелегка
С детьми и на бахче.

Благодарю за каждый день,
Что ты вошла в наш дом,
Оберегать тебя теперь
Я буду в мире том.

.....

Пропал Ваш без вести солдат -
Пришел с войны конверт.
Её судьба - все время ждать,
Однажды дав обет.

Мой дед остался молодым
Отдав свой долг стране.
Недолюбил, недолюбим
Убит был на войне.

Я не помню

Мама, я не помню глаз твоих -
Тех, еще молоденькой девчонки:
Ангел средь веревок бельевых -
Чепчики, пеленки, распашонки.

Мама, я не помню рук твоих -
Тех, еще девичьи угловатых,
Что под колыбельную иль стих,
Ночь качали край моей кровати.

Мама, я твоих не помню слез,
Смахивала что у изголовья:
Думала ль в отцовском доме грез
Мужа разделять с вдовой-свекровью?

Помню только мягкий теплый свет,
Души связанные пуповиной -
Я с тобой, в неведении бед,
Счастлив, гармоничен и невинен.

Змея

Июньский зной, с отцом в саду у дома
Немного мастерим в тени лозы,
Сбиваем ящики из досок лома,
Работа спорится, не ждем грозы.

По ходу дела напеваю песню,
Вдруг что-то затрещало по земле,
Отец окрикнул, чтоб стоял на месте
И притаился камнем у шпалер.

Змея без умолку у ног гремела,
Трещоткой наводя безумный страх,
Глядел я исподволь, оторопело,
Пот утирая локтем на губах.

Как-будто сон мой сбылся: я в пустыне,
Вокруг сплетенья гадов возле нор;
Напуган до смерти, стоять не в силе,
Не чуя ног, мчусь прочь во весь опор.

Вода косые хороводы телом,
Гремучее несчастье уползло:
"Что ж перекусим, папа, между делом.
За то, чтоб нам и дальше так везло!"

Мугам*

По струне звенящей *кеманчи***
Сердце льет свои переживания:
Радости, печали и страдания -
Бьют души распахнутой ключи.

Боль тугой натянутой струны,
Мантры неизменные Востока
О любви, о жизни, вере в Б-га,
Жгут до исступленья глубины.

«Аман–аман, аман–аман!» -
Зов-приглашение в мир грез,
Душевных мелодичных проз,
Сентенций чувственных дурман.

Протяжный звук - сама печаль,
Струн перебор, как птицы трель,
Ашуг - кавказский менестрель,
Смакует каждую деталь.

Он песней за душу берет,
Пробьет невольную слезу,
И взбудоражит чувств грозу,
Бросая в ледящий пот.

Хороший слушая мугам.
Я окунаюсь в теплоту,
Ценю и слога красоту,
И силу характерных гамм.

Я по отцу мугамоман,
Нередко грусть моя звучит
Протяжным стоном кеманчи,
Душа поет: «Аман-аман!»

**Мугам - жанр традиционной
азербайджанской музыки
**Кеманча - струнный смычковый
музыкальный инструмент*

Счастливый человек

Сегодня я счастливый человек,
Вокруг любимые родные лица,
Ячейка мира, маленький ковчег,
И, кажется, что это только снится.

Собрались вместе за большим столом,
Перипетии жизни обсуждаем,
За радость встреч и за удачу пьем,
Про трудности на время забываем.

Чтоб не случилось на моем пути,
Нет в том преграды, близко иль далёко,
Я счастлив тем, что есть куда прийти,
Где точно мне не будет одиноко.

Молю о том, чтоб не прервалась нить
Бесценных встреч в обыденной рутине,
Пусть век живет, кто может сохранить
Горение углей в своем камине.

Папа

Здоровья не прибавится с годами,
Но не убавить теплоту сердец,
Болезни тяготят, зато ты с нами,
Живи сто двадцать лет, прошу, отец.

Я верю, сил пока еще в достатке,
Немало долгожителей в роду,
Пусть даже без зубов, ты очень сладкий,
Родной, любимый, слов я не найду.

Мы знаем, ты без устали трудился,
Чтоб обеспечить всем свою семью,
Хоть изредка по делу ты сердился,
Улыбку вспоминаем мы твою.

Подбрасывал как перышко на плечи,
Когда с детсада забирал домой,
И песню, не блистая красноречием,
По просьбе пел родных со всей душой.

Ты сделал для людей добра немало:
Десяткам тысяч был дарован свет.
Для нас теперь свети, гони усталость,
Как лампочка еще немало лет.

Ах папа будь немного осторожней,
Спокойней будь, ведь ты же аксакал,
Здороваться не привставая можно,
Расслабься, ты достаточно пахал.

Здоровья не прибавится с годами,
Но не убавить теплоту сердец,
Болезни тяготят, зато ты с нами,
Живи сто двадцать лет, прошу, отец.

Шалом, бирор!

В котле народностей, моем Дербенте,
Приветствуют на местных языках:
Традиция, рожденная в веках -
Язык собрата должен быть в привете.

Меня взрастила, напитава собою,
Горячая народов этих смесь,
Как спаянная в монолите здесь,
У цитадели с древнею судьбою.

Черта дербентца - теплота приветствий,
Покажется, что он неожиданно рад:
«Шалом, бирор**! Салам алейкум*, брат!»* -
Как будто вы не виделись аж с детства.

И не волнуясь, что не будет понят,
Земляк всегда расспросит про житьё:
*«Эдже рафте? Эджеи ту? Инджо бьё!***»* -
Он перечислит в шутку, все что помнит.

Быть разобщенными - что за заслуга,
Есть то, что согревает изнутри,
По-свойски: *«Вуч ийзва? Чу хабери?*
*Нэ вар, нэ йох?**» - приветствуем друг друга.

**Шалом! Салам алейкум! Вуч ийзва? Чу хабери?*
Нэ вар, нэ йох? - приветствия на местных языках;
***Бирор - брат, на языке джуури;*
****Эдже рафте? Эджеи ту? Инджо бьё! – набор*
Фраз на языке джуури.

Спускаюсь с горного селения

Спускаюсь с горного селения -
Пять километров до шоссе,
Брань воробьев, весна, цветение,
Природа в утренней красе.
Пастух к лугам отару гонит,
Скрипят под шагом голыши,
У водопада хороводит
Вода, пред тем как оглушить.

Клокочет сердце от волнения,
Вновь покидаю отчий дом,
Туда, где нет еще цветения,
Лишь суета над талым льдом.
Нет никого на годекане,
С утра пока еще пустой,
Но слышу в спину восклицанье:
«Куда спешишь, земляк? Постой!»

Остановившись, размышляю:
«Куда, действительно, иду?»
Моя любовь к родному краю
Взывает бросить суету.
Остаться здесь - там, где родился,
Где начинался жизни путь,
Где на земле с отцом трудился,
Где сладко дышишь во всю грудь.

Все решено, назад к истокам:
Один, женаты сыновья,
В Москве огромной одиноко,
Здесь пристань главная моя.
Сияет солнце как на троне
Над горной ширмою небес.
Целую матери ладони.
«Сынок! Вернулся, наконец!»

Три орлёнка

По мотивам притчи Амалдана Кукуллу.

Орел-отец растил орлят на островке морском,
Вдруг молния, и островок запылал огнём,
Кого избрать из сыновей, чтоб от огня спасти,
Лишь одного способен он от смерти отвести.

И вот в когтях его повис один из сыновей:
"Скажи, сынок, зачем тебя, а не других детей?" -
"Вы постареете, отец, не то какой недуг,
Кормить из клюва буду Вас, обхаживать вокруг".

Разжались когти у отца, не этот ждал ответ,
Поднял другого вверх птенца, кому поменьше лет,
В пучину вод уставив взгляд, где сгинул старший брат,
Тот обещал исполнить все, как то велит адат.

Орёл опять не захотел сыночка удержать -
Уж лучше пусть погибнут все, чем трусу угождать.
"Не обещаю ничего!" - сказал меньшей птенец:
"Ничем не лучше братьев я, убей меня отец.

Коль суждено мне птицей стать достойнейших кровей,
Таким хорошим, как и Вы, я буду для детей".
На смену горечи утрат вдруг гордости искра -
Орлу такому не страшны ни бури, ни ветра.

Где б я ни был

Где б я ни был, мой город родной,
Ты мне сердце теплом согреваешь,
Пусть давно распрощался с тобой,
Но душой не расстаться - ты знаешь.

Подъезжаю, к чему тут слова:
Горы, море - нет города краше,
Вот Огни, вот видна Сабнова,
Цитадель с вереницею башен.

Как же душу легко всколыхнуть
Городскою неспешной вознёю,
Затянувшись тобой во всю грудь,
Будто занавес в детство открою.

Помяну скоротечность бытия:
Тот же пряничный домик вокзала,
Дружной стайкой большая семья
На перроне меня провожала.

Рад бы чаще бывать, но прости -
Знаешь, что меня ныне терзало:
Здесь уж нет моих близких почти,
А друзей мне немножечко мало.

Где б я ни был, мой город родной,
Ты мне сердце теплом согреваешь,
Пусть давно распрощался с тобой,
Но душой не расстаться - ты знаешь.

Горцы на чужбине

Я не хочу принизить чабанов,
Профессия чабан - на веки вечные,
Но иногда в манерах земляков
И чабанов черты и подопечных.

Как в диком мире тяга подчинить,
Унизить, балагурия и щетинясь,
И обозначив силу, оскорбить,
Представ бодливым овном на чужбине.

Я допускаю горсточку людей
Пустых, в любом народе, недалеких,
Мне не до их поступков и речей,
Мне за своих обидно, темнооких.

Одернуть резко просится подчас
Такого дикаря и бедокура:
Земляк, позоришь не себя, Кавказ.
Какой аул привил тебе культуру?

Немало из достойнейших людей
Взрастили наши горы, воспитали.
Хочу, чтоб нас заслуженно везде,
В гостях и дома, с радостью встречали.

Турнир по нардам

Турнир по нардам межреспубликанский
С участием спортсменов разных стран,
От Средиземноморья до Аляски,
Гостеприимно принял Дагестан.

Сияет прошлогодний победитель,
Заранее прибывший из Москвы,
Здесь космоса известный покоритель
И вундеркинд - парнишка из Кубы'.

Чрезмерно горд, раскрученный в эфире,
Прославленный арабский чемпион.
Он уверяет - на сеанс в Каире
Собрал однажды целый стадион.

У самых гор периметр площадки,
Под тентом и в сиянии огней,
Ждут нарды на столах в одном порядке
С пригоршнями новехоньких камней.

При входе всех радушием встречают,
И местных, и гостей из южных стран,
И попури кавказское играют
Кларнет, аккордеон и барабан.

Арбитр здесь влиятельный мужчина -
И тамада, и бывший прокурор,
Когда на то появится причина,
Он с легкостью улаживает спор.

Вот он забросил в белую папаху
Закрученные белые листки,
И игроки с опаской, но без страха,
Свой жребий тянут с номером доски.

Затихла музыка, примолкли гости,
Зацокала, защелкала игра,
Стучат "трик-трак" о доску кости,
"Яган!"- народ бубнит, да: "Дубара!"

С энтузиазмом рубят и задорцем
Татарин-повар, каменщик-лезгин.
Как-будто искры под руками горца,
Льет воду представитель из низин.

Как оказалось, больше не в фаворе
Прославленный нардист Изамутдин:
Четыре раза проиграл и вскоре
Турнир он от себя освободил.

Бывает так нередко в этом мире:
Для многих быстро кончилась игра,
Прибавилось болельщиков в турнире,
На все есть Б-жья воля, иншалла.

Кипит вода в огромном самоваре,
У чая здесь существенная роль:
Бодрит в соревновательном угаре,
Смещая чуждый спорту алкоголь.

Поклонники же точно не скучают:
Держа в руках, пьют ароматный чай,
Перипетии бурно обсуждают,
Прицокивая громко невзначай.

Не отойдя от грамотной разводки,
Устроив чуть не форменный скандал,
Игрок не хочет чаю, просит водки.
Расстроен, в третьем туре проиграл.

Вернув судье серебряные нарды -
Прославленный переходящий приз,
Седеющие глядя бакенбарды,
В игру вступает чемпион - Тенгиз.

Окинув оппонента взглядом метким,
В руках не устает перебирать
Знак лидера - серебряные четки
С известной комбинацией шесть-пять.

И вот уже вручаются награды,
Торжественно звучит аккордеон,
Немногословны горские тирады -
На трон восходит новый чемпион.

Турнир окончен, снова опустела
Поляна рядом с рощицей алычи.
Клаксонов переключка отгудела,
Оставив тихий стрекот саранчи.

Вопрос сыну

Я сыну в детстве задавал вопрос:
"Скажи, сынок, ты папин или мамин?"
Поковыряв свой в конопушках нос,
Он отвечал мне деловито: "Папин!"
Умен не по годам мой паренек,
Мой продолжатель рода, Гурвинек.

С иронией вопрос задал я вновь,
Когда попрос сынок, закончил школу.
С недоумением приподняв бровь,
Вопрос мой он воспринял, как крамолу.
"Свой! Собственный!" - он мне тогда изрек,
Мой продолжатель рода, Гурвинек.

И вот он возмужал и стал отцом,
И, мой вопрос с улыбкой вспоминая,
Признался мне, каким же был глупцом,
Меня ответом нужным обделяя.
Люблю тебя! Будь счастлив мой сынок,
Мой продолжатель рода, Гурвинек.

Шалахо

Ты танцевала *шалахо**
Изящно, тонко и красиво,
Кистями рук паря легко,
И грацией кружа игриво.

Я рядом был, в кругу друзей,
И не щадил свои ладони,
Глаз не сводящий ротозей,
Застыв, как мумия в бетоне.

В тебе танцующей открыл
И темперамент, и ранимость,
Страсть нераскрывшуюся, пыл,
Гармонии неистощимость.

Обескуражен волшебством -
Вдруг ускоряющимся ритмом,
Танцовщица, что божество,
С её не танцем - нет, а битвой.

Пусть осмеют, войду я в круг,
Не ноги, сердце затанцует,
Как ураган, возникнув вдруг,
В горах безумствуя, бушует.

Ах, шалахо - восторг души,
Века негаснущее пламя!
Прошу, умолкнуть не спеши,
Мостом любви став между нами.

**Шалахо - танец народов Кавказа*

Звёздный пёс

От бессонницы во двор,
Спит моя деревня,
Пёс ко мне во вес опор
Лобызаться - скверно.

Звезд повысыпало - страсть,
Аж немного жутко.
Мы, открывши рот и пасть,
Постоим минутку.

Заезвался - тянет в сон,
В дом пойду, прилягу.
"Что, не спится, охламон!" -
Потреплю бродягу.

Гляну мельком из сеней -
Пёс на небосводе
С мириадами огней
Хороводы водит.

Когда-то

Молодость, пляж, на плече магнитола,
Джинсы, кроссовки, пакеты с принтом,
Мяги танцует, рисует Яак Йола,
Есть еще год, пока выпустит школа,
И разлетимся, покинув свой дом.

Страсти триумф иль томленья обуза,
Зеленью светлой трепещет весна,
Пьяный восторг, благосклонная муза,
Искренность чувства, как юность безуса,
Благословенна, нежна и чиста.

На торжестве

Твой профиль показался мне знаком
На торжестве в *хадеровском уламе**.
«Кто эта дама в платье голубом?» -
Спросил я у сидящей рядом мамы:
«Как близкие соседствовали мы
С ее семьей давно, - она сказала.
Ты должен помнить, как среди зимы
С родней она в Израиль уезжала».

Девчушка длинноногая с косой -
Я сразу вспомнил игры и забавы,
Ты мне была почти родной сестрой,
Проворной и, как Пеппи, своенравной.
Мы ссорились с тобой по пустякам,
Что по квартирам даже разделяли,
Но возвращалась ты, назло врагам,
Лишь только наказание отменяли.
Тебя я помню хрупким ангелком,
Нескладной девочкой на класс моложе,
Но кроме как невестой с женихом,
Бандитами нас называли тоже.

Я вспомнил день прощания: метель,
Нежданно выпало немало снега,
Как мне хотелось в теплую постель,
Но поезд все не ехал и не ехал.
Все бросить, чтобы сгинуть навсегда
В ночную темень, будто бы изгой,
Казалось мне, какая то беда
Вас гонит из дому, а вы — герои.
Ваш поезд подошел не по часам,
В том снегопад, наверно, был помехой
Прощались громко, волю дав слезам,
Качнувшись, поезд медленно поехал.

Мы встретились глазами невзначай,
Ты отвлеклась, детишек взяв на руки,
И как забавно было примечать -
Такие же проныры эти внуки.
Да, я и сам бы не узнал себя,
Уже прошло без малого лет сорок,
Ты тот же ангел в обществе ребят,
И встречи этой миг мне очень дорог.

**хадеровский улам — зал для проведения торжеств
в г. Хадера, Израиль*

Время черных чернил

Как жаль, что нелюбовь живет среди близких.
О ком же проще языком молоть?
Не преминут, в намерениях чистых,
Своих родных похлеще уколоть.

А между тем, когда то наши предки
Объединяли за большим столом,
И грел очаг, и узы были крепки,
Гостили запросто из дома в дом.

Отпущен век судьбою нам? - едва ли.
Так одиноко смотрится гранит.
Кто изольет сюда свои печали? -
Все тот же близкий, кто гнобить привык.

Как жаль, что нелюбовь живет среди близких,
Закончен век сиреневых чернил.
Остерегайся, кровь, порывов низких,
И я молю, чтоб Б-г родню хранил.

Младшая сестра

Судьба распоряжается людьми
С кем-то помягче, с кем-то очень строго.
Любовью избалованы одни,
Другим достаточно тепла немного.
И этот стих ничтожная искра
Любви и нежности к тебе, сестра.

Когда ты младшая в большой семье,
То участь быть покорной, молчаливой,
Как будто предначертана тебе,
И может ли считаться справедливой.
И всякий над тобой имеет власть -
Быть младшею, наверное, напасть.

Прости ты, брата своего сестра,
За невнимание к тебе с пеленок.
Ты, как всегда, участлива, добра,
Щедра, нежна, хоть и не тот ребенок.
Не вспомню, чтоб дарил тебе цветов.
Ах, как же жутко, что твой брат таков.

Двадцать лет спустя

Маршрут привычный - Тель-Авив-Москва,
Иду на борт, объявлена посадка,
Бар-мицва внука, в гости ждет меня,
И я лечу все бросив без остатка.

В соседних креслах взлета ждет семья,
Беспечность и спокойствие на лицах,
Щебечет девочка, восторгами струя:
"Смотри взлетаем, мамочка, как птицы!"

Я вспомнил эти детские черты,
Вернувшись лет на двадцать в одночасье.
Не уж то, Изабелла, это ты? -
Та девочка в красивом белом платье.

Мы снова рядом, паспортный контроль.
Ты взрослая, с любимым мужем, дочкой.
Я рад и восхищен тому, насколько
Прекрасное так повторилось точно.

Новый год

На время отложу ермолку,
Надену сказочный колпак,
Куплю домой живую елку,
Ведь праздник детства, как-никак.

Накину на себя в подъезде
Обшитый мишурой халат.
В мешок взгляну, здесь всё на месте -
Игрушки, фрукты, шоколад.

Не хочет на лицо ложиться
Из мятой ваты борода,
Пришлось немного потрудиться.
Стук в дверь: "Мороза ждете?" - "Да!"

Вошел и сразу от порога:
"Шалом! Я, Дедушка Мороз!
Прошу за бороду не трогать,
Подарки каждому принес".

Узнали старшие детишки,
А мама пальцем им - "Молчок!"
Сползли у младшего штанишки,
Я так люблю тебя дружок.

Смотрюсь я в зеркало - потеха:
Ну что, дедок довольно мил.
"А ты из Устюга приехал?"
Пришлось соврать. Чтоб я так жил!

Мой мощный бас сбивает с толку,
Эффект хочу произвести:
"Принес я Вам из леса елку.
Кто мне поможет занести?"

Домой душистую заносим.
"Ну, есть игрушки? Наряжай!"
В сияющем многоголосье
Поем: "Спи елочка, бай-бай!"

Сажусь, к себе всех приглашаю,
С мешка подарки достаю:
Рукой от края роюсь к краю,
Стихами речи говорю.

Супруга глаз с меня не сводит,
Недавней ссоре вопреки.
Теснее жметесь в хороводе,
Теплей касания руки.

"А напоследок пожелания:
Родителями дорожить,
И младших радовать вниманием,
Ни с кем не ссориться, дружить!"

Детей обманывать негоже,
Но так прекрасен маскарад.
Я вновь пришел, восторг в прихожей,
Обману каждый дома рад.

Сказал мудрец, что все проходит.
И этот праздник отгремит.
Пусть год за годом хороводит
Любовь в кругу моей семьи.

Фея

*маленькой принцессе
Изабелле*

Ко мне пришла ночная фея,
Я притворилась будто сплю
И потянула ручки, млея,
Ведь я еще играть люблю.

Присев на краешек кровати,
Меня сокровищем звала.
Признаюсь вам, что в этом, кстати,
Она ничуть не солгала.

Поцеловала нежно в щечки
И прядь поправила волос.
"Устала. Делала уроки!" -
Почти растрогалась до слез.

Легла на глазки сна завеса,
И фея в облачной фате
Сказала: "Спи, моя принцесса!" -
Мерцаньем скрывшись в темноте.

Кто это был - не говорите,
Мне скоро шесть, большая я,
Все знаю буквы в алфавите,
Та фея - мамочка моя.

Пропустил школу

Я пропустил сегодня школу,
Отец не стал будить меня,
С утра он поспешил к роддому,
Ждет пополнения семья.

Буравит свет сквозь занавески,
Бранятся звонко воробьи,
Кефирчик ждет на хлебрезке,
И бутерброд лежит внутри.

Открылась дверь, целует мама:
"Как я соскучилась, сынок!"
Сияющий отец: "Наш малый!"-
Раскрыл конверта уголок.

С утра потягиваясь сладко -
Не надо в школу, выходной,
Я к брата подошел кровати:
"Малыш, какой же ты смешной!"

Мамины руки

Как из маминых рук, капли падают с неба,
И босой карапуз, первый раз под дождем,
Оглянувшись вокруг, мчится к маме нелепо,
Тычет голову в грудь и в родное лицо.

Меж печалью и счастьем бредем одиноки,
Нам уже не спастись в теплоте этих рук,
И какими бы ни были наши пороки,
Есть один настоящий и преданный друг.

Игрушечная история

Выкраивая для себя простор,
Со старыми ненужными вещами
Прощаемся, себе наперекор,
Как с некогда любимыми друзьями.

Весь хлам решившись из дому снести,
Я вглубь взглянул большого чемодана:
Слон втиснут серый с глазом на груди
И хоботом - зияющая рана.

Нахмурившись, с обидою в глазу,
И будто нарочито лежа боком,
Он вызвал было у меня слезу,
Так память всколыхнуло ненароком.

Он в детстве радовал моих детей,
Без слоника мой младший не ложился.
Верну, пожалуй, прежний вид тебе,
Мой верный домочадец, чтоб не злился.

Прозревший, как по волшебству, слепой,
Улыбчивый, он засверкал глазами.
Доволен тем, что нужен и живой,
Неярок пусть покров его лежалый.

На кресле восседает он теперь,
И выглядит задорным и веселым,
Особенно, когда глядит на дверь:
Все ждет, как прежде, мальчика из школы.

Прощай

Бабуля, милая, я здесь с тобой,
Все хорошо должно быть - будет так,
Но, зная больше нас само собой,
Надежды не суля, врачи молчат.

Врачи молчат; но ведь движенья рук,
Не просто так сошедшая слеза,
Не разделить увы твоих мне мук,
Седоволосая моя краса.

"Она не встанет, - скажет кто-то вслух, -
Все точно так, как с тещею моей".
Ровней дыхание и сердца стук,
Нам больше б веры, а удачи ей.

Пост безысходности - твоя кровать,
Приборы выключены, не пищат,
Врачи молчат, им нечего сказать,
И ты не скажешь ничего... прощай.

Не просите напрасно

Не просите напрасно у Бога
Дом, богатство, любовь и успех -
Перл творенья не может убого
Подаянья просить - это грех.
Восхваляя Его за терпенье,
Помолитесь чтоб ближним помог:
Мир ушедшим, больным исцеленье -
То, в чём может помочь только Бог.

Вьюга

В синем поле плясовую,
Уминая сухостой,
Вьюга русская танцует,
Подвывая затяжную
О судьбине непрстой.

Набираясь сил в сторонке,
Отдохнет в березняке:
У оврага три избенки,
Три избенки с лаем звонким
Манят дымкой вдалеке.

За покошенным забором
Слышен русский говорок,
За окошками в узорах
Бабка с дедом в тихих спорах
Коротают вечерок.

Бесноватым поросенком
Покуражившись в печи,
Всласть, раскатисто и громко,
Избалованным ребенком
Вьюга воет и кричит.

Постращавши, затоскует -
Прочь пустая канитель.
В синеву нырнув родную,
Как в гребенку, вдруг задует
Марш отходный о плетень.

В доме предков

В доме предков тихо, пустота.
Сердцу больно, холодно и грустно -
Краски детства в бледные цвета
Обернулись, будоража чувства.

Сколько было вложено труда
В этот дом, ковчег бывшего счастья,
Но покинут раз и навсегда,
В дни безвременья и безучастия.

Обреченно сиротливый дом,
Домочадцы съехали далече,
Их уж нет... и здесь, и в горле ком,
Нет иллюзий - человек не вечен.

Буся

Не котенок, не щенок, не свинка,
Нежный лопушок под два вершка,
Мягкая игрушка, животинка,
Сорванный помпон от башмачка.

Буся, бусинка, крольчонок милый,
Я пришла, беги ж меня встречать,
Снова раскромсал тетрадь, зубрила,
Ну, иди, не стану я серчать.

Принесла тебе твоей травинки,
И капустки маленький вилок.
Сумерки ложатся на Кузьминки,
Чудно коротаем вечерок.

Моя Одесса

Люблю Одессу с юношеских пор,
Великолепие ее лиманов;
Архитектуру, воздух городков
От Николаева до Аккермана.

Стиль речи местной - юмора тесьма:
Исконный фарш к державному гарниру.
Здесь бархатные осень и зима,
Акаций дух ласкающий зефиром.

Я принял тягу эту навсегда
И беззастенчиво в неё влюбился,
Мир страсти новой чувственной когда
По-настоящему мне здесь открылся.

Студентом юным, под гитарный бой,
Практиковаться на завод приехал.
Вино, романтика и бриз хмельной
Мне были и отрадой, и утехой.

Различных вех районы и дома -
Манит сюда особенная сила:
Одесса, как прелестница-кума,
Мила, добра, изящна и красива.

Электричка 7. 14

Полосой багрец на горизонте,
Занесло сугробами тропу,
С мыслями о завтрашней субботе,
На работу к станции бегу.

Мой сосед с утра уже с лопатой,
Разгулялся ночью снегопад,
Мрачен, как хозяин, и помятый,
Ловит пес прохожих беглый взгляд.

Торопливым шагом, снежным хрустом,
Все к платформе сходятся пути,
Если 7.14 пропустишь,
На работу к сроку не прийти.

Вот угрем ползет она красиво,
Отражая блики фонарей,
Тормозит, качается игриво
От столпотворенья у дверей.

За мгновенья все в нее вольются,
Все проходы разом уплотнят,
Дверцы залпом пушечным сведутся,
Кашель, рты у тамбура парят.

Стыки рельсов шепчут монотонно,
Теснота - себя не распрямить,
Вытолкнут толпою из вагона,
Понимаешь, как прекрасно жить.

А затем обыденно, смиренно
Белокаменная впустит вновь
В вены веток метрополитена
Областную трудовую кровь.

Холокост

Я не был там, но будто память крови
Не позволяет этого забыть:
С железным скрежетом еврейский быт
Был перемолот в жуткой катастрофе.

И как бы ни был счастлив и покоен,
Частичкой сердца где-то там стою,
Со стариками и детьми в строю
На лютом шабаше кровавых боен.

Набат неспешный, вереница смерти.
Надежды, думы, чувства и любовь -
Зловещей сажей дымовых столбов,
Смятением душ в жестокой круговерти.

И слава тем, Г-поднею искрою
Кому предстало вывезти, спасти,
Не побоявшись сложностей пути,
Хотя б ребенка, ставшего изгоем.

Я не был там, но будто память крови
Не позволяет этого забыть:
Пусть сквозь века проходит скорби нить,
Чтоб человек не знал такого горя.

Родина

"Скажи, еврей, где родина твоя?" -
Готового не предложу ответа:
Быть может, город, где родился я,
Там где подрос, и где могилы предков.

А может, родина там, где вырослел,
Крупницы зрелой жизни просевая,
Учился и работал, между дел,
Теплом отцовским сыновей питая.

Возможно, родина там, где семья,
Куда уехали в безвременье евреи:
Где отчий дом, где мама ждет меня,
И с разных мест собрались иудеи.

Так, где она? Ты просвети меня.
Какая главная у родины примета?
А если скажешь: "Родина одна!" -
Я твой вопрос оставлю без ответа.

Мать или мачеха (размышления о Родине)

Скажите, мачеха Вы мне иль мать,
Хозяйка надо мною иль супруга,
Прелестница - продажная подруга,
Что станет лишь за деньги уважать?

Умны, достойны, что и говорить,
Нельзя не восхититься красотой,
Но думаю, секрета не открою,
Свое всё не приучены любить.

Избави нас с какой-нибудь бедой
Попасться Вам в бесчувственные руки,
Возиться, облегчая наши муки,
Не будете, считая ерундой.

Москвой и Питером увлечены,
Заботиться о собственном престиже
Считаете за лучшее в Парижах,
Широт своих не ведая цены.

Мать или мачеха, к чему гадать,
Как было бы иначе - только мнится.
Коль нету мамы, мачеха сгодится,
Особенно, когда не выбирать.

Обыкновение в большой семье -
Заботою обласканные дети,
Родная все же, нет другой на свете,
Душой и сердцем Вас хочу любить.

Наши имена

Мой народ во времена Советов,
Зная мало о Земле Отцов,
Соблюдал все тысячи заветов,
Следуя советам мудрецов.
Имена давали своим детям,
Что в Танахе можно отыскать,
Нить времен передавали этим
Испокон веков отец и мать.

Мететьё, Иосиф, Борух, Истохор,
Хагило, Ревекка, Мошолум, Хумор.

И еще одно давали имя,
От проблем пытаюсь оградить.
Обрекая жить под псевдонимом,
Чтоб без реплик за спиною: "Жид".
Имена свои в любом народе,
Смысл сакральный в имени любом,
Возвращаемся к своей природе
Скорбным камнем с надписью на нем.

Ильизир, Менахем, Хаим, Ирмиё,
Дестегуль, Сусанна, Рут, Истир, Лиё.

Одна на всех

Одна на всех заветная тоска
Во взгляде у сефарда, ашкенази
Впечаталась, вобралась на века
В Израиле, Москве и на Кавказе.

Так уж случилось, дан такой урок,
Судьба в других народах раствориться,
Рассеяться по тысячам дорог,
И напиться миром и напиться,

Не ведая проторенных путей,
Стараясь не выпячиваться, кротко,
Быть частью, солью родины своей,
Неся внутри самосознания нотку.

Когда, сгущая линию бровей,
Окликнут, продолжая озираться:
"Простите, Вы наверное еврей?"
Ответьте: "Да!" - не стоит отпираться.

Горяночка

В одном ауле - горной деревеньке,
По просьбе старцев мы родник спасали:
Поставили отливы, грот, ступеньки,
На подступах песчаник плоский клали.
Трудились добросовестно и честно,
Сковали тонны камня и цемента,
И отдыхали от души, чудесно
Энтузиасты - парни из Дербента.
Но не о том рассказ мой - о блаженстве,
Что испытал впервые в эту пору:
Горяночка с кувшином - совершенство,
Ступающее грациозно в гору.
Я счастлив был за нею наблюдая,
Нередко останавливал работу,
Лишь скромно улыбалась молодая,
Когда пытался проявлять заботу.

Нет ничего волнительнее ножек,
Походки легкой, линий силуэта,
И грации, что восхищает тоже,
Из каменщика делая поэта.

Машиах (поэма)

*произведение является
реализацией художественного
замысла автора.*

Часть 1. Женщина

В *Бет-Кнессете** сегодня оживление,
Толпятся прихожане у ворот,
Раввины обсуждают о явлении
*Маши'аха*** у города Сдирот.

Как облако волнение людское
Нависло, напряжения накал,
Как можно допустить в уме такое,
Чтоб женщиной помазанник предстал.

Приехали со всех концов планеты
Почтенные раввины–мудрецы,
Чтоб выяснить, писали ли об этом
В *Талмуде**** или *Мишне**** праотцы.

В народе иудейском шум, волнение,
"Осанна!" - воздается в небеса.
Восторг и эйфория, изумление -
*Мазали***** обсуждают чудеса.

В мгновения окраина Сдирота
Наполнилась приезжими людьми.
Заторы, не проехать с Нетивота,
Пешком иным приходится идти.

Повсюду раздаются песнопения.
На улицах в машинах *миштара******,
Людское регулируя движение,
Горланит мегафонами с утра.

Хозяева лавчонок в возбуждении,
Почти что не торгуется народ,
В умах людей Машиах, а не деньги,
Что дальше будет, знать бы наперед.

Кому бы и о чем не рассказали,
Не будучи в Сдироте не понять:
Все ожило с явлением Мазали,
Над городом нависла благодать.

Часть 2. Раввинат

Раввины собрались... Конец вступлению.
Их чувства невозможно передать,
Сегодня предстоит принять решение:
Что это - кара или благодать?

Растерянность на лицах ортодоксов,
Размеренности нет былых речей,
Разбор необъяснимых парадоксов
Произведен до самых мелочей.

Придирчиво, а кто скрипя зубами,
Духовные отцы кричали с мест:
"Не быть! Чтобы на голову Мазали
Госп-дь лестницу возложил с небес?"

Случайности - нет никаких сомнений,
Склонялось большинство из них считать,
Что это не помазанника гений,
А шарлатанство, фокусам подстать.

Внезапно поубавилось волнение -
На кафедру взошел Шломо Гершом,
Молитву произнес он песнопеньем
С особенным каким-то куражом.

Сказал, что он наслышан о Мазали,
И прежде, чем рядить и обличать,
На слухах чтоб суда не учиняли,
Ведунью бы неплохо повидать.

Наутро, как раввины наказали,
В Сдирот был делегирован эскорт,
До самого пристанища Мазали
Толпой сопровождал его народ.

Часть 3. Ты - Машиах

Шломо застыл в глубоком изумлении,
В ухоженный войдя тенистый двор,
Под кроною акации в волнении,
Стояла женщина, потупив взор.

Придя в себя, раввин стал осторожно,
В попытке говорить раззявить рот,
Но слышал речь быстрее, чем возможно,
Все тело охватил холодный пот.

"Шломо не беспокойся, всё в порядке, -
Мазаль, рта не раскрыв, произнесла, -
То есть твоих возможностей задатки -
Одно из проявлений ремесла.

Пришла пора, мне было откровение -
Спасение отсюда двинет в путь,
Твое здесь неслучайно появление,
Постиг ученья Б-жьего ты суть.

Всё доведешь доходчиво народу,
К тебе предубеждений, раввин, нет,
Что даст возможность, как угодно Б-гу,
Завещанный нам совершить обет.

Земля погибнет, новая планета
Приютом станет сущностей людских,
Для тех, кто в жизни верен был заветам,
И умерших когда-то, и живых.

Задача всех уведомить о крахе,
Ко сроку на земле Святой собрать,
И всё, что предначертано в Танахе,
Тебе - Машиах, надо исполнять».

Шломо Гершом покинул потрясенным
Мазали, вдруг сакральным ставший, дом,
Машиахом не стал он нареченным,
А жребий этот был всегда при нем.

Народ, давно заждавшийся у дома,
Не мог ту очевидность не понять:
Сияет он, в подобие святому -
То праведности светлая печать.

Часть 4. Воззвание

Всю ночь Гершом молился, вспоминая -
Не раз его Госп-дь оберегал,
Как с детства наставлениям внимая,
Душой и сердцем Б-га почитал.

Толпа растет у стен его жилища,
Пресс-центр выстроен у входа в дом,
От обсуждений ревностных жарюща,
О том, что видел кто вчерашним днем.

Открылась дверь, ТВ-каналы мира,
"Россия", "АльДжазира", "СНН",
Встречают фотовспышками кумира
И сотней с микрофонами антенн.

Шломо пред тем, как к миру обратиться,
В раздумьях на кафедру взойдя,
На *Котель* ***** повернувшись, помолился,
Толпу тревожным взглядом обведя.

«Шалом, друзья! Так сказано в Толмуде:
От гибели Госп-дь народ спасет,
И если были праведными люди,
В утраченный Эдем их приведет.

Настало время, что в молитвах наших
Упоминаем мы, читая вслух.
До дна испить судьбы престало чаши,
Пусть сильным будет воли нашей дух!

Друзья, кто в сотворение не верит,
К спасению для всех открыта дверь,
Б-г праведность неведением не мерит,
Сплотимся перед Госп-дом теперь.

По всей, чудесным образом, планете,
В подробностях о речи знали все,
Кто слышал что-то, кто читал в газете,
Кто страстно пересказывал в красе.

Часть 5. Исход

Адепты всех религий, атеисты -
Съезжается в Израиль разный люд,
Язычники, сектанты, коммунисты
Машиаха в Гершоме признают.

Как будто бы лоскутным одеялом,
Палатками пустыня расцвела.
Мир видится прекраснее к финалу.
Прости, многострадальная Земля.

В волнении кипит людское море
Огромной шумной ярмаркой страстей,
И кажутся осколками покоя
Компании играющих детей.

Народ, живя в пустыне, на просторе,
В смирении, молитвах просто ждал,
Зачитывал, описанное в Торе,
Что будет, меж собою обсуждал.

Когда настал тот Час, слова молитвы,
Как-будто материальность обрели,
Холодным светом всё вокруг залито,
Протяжный страшный гул из под земли.

Гершом, взывая к милости Госп-дней,
К спокойствию и вере призывал,
И слезы, и восторг в толпе народной,
Все за руки взялись и ждут финал.

Пролился дождь по обжитым местам,
Смятение с молитвой пополам:
«БАРУХ АТА АДОНаЙ,
ЭЛОГЭЙНУ МЭЛЭХ ГА ОЛАМ...»

Исчезли страх и боль, пришла беспечность,
И тысячи растерянных людей,
Сознанием умчались в бесконечность,
Тела оставив бранные Земле.

Пустынно, сиротливо во Вселенной,
И, кажется, бездушно и мертво.
Блеснула яркой вспышкой мгновенно
Земля, и не осталось Ничего.

** Бет-Кнессет - дом собраний, синагога (ивр.);*

***Машиах –Мессия;*

****Талмуд, Мишна – свод правил и основных предписаний иудаизма;*

*****Мазаль - имя героини;*

****** миштар - полиция Израиля;*

******Котель - Стена Плача в Иерусалиме*

Израильтянка

Круг возмездия вершится - черный променад. "Кровь лишь кровью может смыться!"- требует джихад. Пояс смертника убийце помогли одеть, прежде дали помолиться, а потом - на смерть.

Жертву быстро он находит, одолев забор: детский сад, ребят выводит девушка во двор. Злобно засверкал глазами на гурьбу детей: "пусть умоется слезами каждый иудей".

На весь мир она кричала: "Дети, берегись!" Ошарашен был немало этим террорист. Бросилась вперед пружиной, жертвуя собой, меж детьми и сарацином встав живой стеной. Полусловом оборвался клич "Аллах акбар", ощутимым оказался девушки удар.

Гул сирен сигнализаций, всех спасти смогла. На таких героях нации держится страна.

На языке джуури

Зен жугьур (мэгъэни э зугьун жугьури)

Эз коми мисвое кор ме
Борохо дори Худо,
Овурди пушо чумой ме,
Дуьл мере э дес туь до.
Имогьой думьид сохденум:
"Ме туьсуз чуьтам зигьисдем?"
Зу эз кор вадарафденум
Эй севгил мере дире.

Сервори:
Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Ме не туь е жуьфт журуб,
Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Иму эеки е жуьфт журуб.
(дуьбо)

Зен суьрхи, гуьзеле зен ме,
Ведже, ведже жун-жигер,
Э пушой ме вежесденге,
Дениш - чуьн ашугь бирем.
Мозоллуь сохдей туь мере,
Дуьлшори, Худо шуькуьр,
Гьеммише кифлет хуштере
Хуб гуьрдени зен жугьур.

Сервори:
Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Ме не туь е жуьфт журуб,
Жуьфт, жуьфт, жуьфт журуб,
Иму эеки е жуьфт журуб.
(дуьбо)

Пели бабушки

С умолку без уговору пели бабушки -
Пели бабушки, попеременно ойкали.
Взгляды заперты, о том переживаючи -
Всем дано ли, приготовлено ли, прибрано.
В песне каждая побудет запевалою,
Тыщу раз понапевалось, понадрывилось,
И когда еще у всех их жили дедушки,
И когда еще порядком были детушки.
Песня кончилась внезапно, как и зачалась,
Не спешат покой словечками разбавити,
В головах покрытых мысли рвут отрывками
С непослушной памяти случаи разные.
Про детей своих, про хворобу и немочи,
И про тяготы, лишенья сирой старости -
Так живут они тихонько припеваючи
О судьбинушке беспечной юной девицы.

Семейный праздник

Прекрасный день, воскресный день,
Семейный праздник, выходные,
Отцовский двор, деревьев тень,
Съезжаются мои родные.
Уже готовится еда,
Костер на углях догорает,
И деловито, как всегда,
Мой брат мангалом заправляет.

Припев:

Ах, этот запах шашлыка,
Букет любви, кусочек счастья,
В дыму мангала на пока,
Я позабуду про ненастья,
И за торжественным столом,
Произнося благодаренья,
Мы от души едим и пьем,
Вкушаем радость единения.

И то что рядом вся семья,
И то что рядом ты, родная,
Кайфую от восторга я,
Блаженства большего не знаю.
И после этих теплых встреч
Намного легче понедельник,
Желаю всем семью беречь,
Ее ничто нам не заменит.

Повтор припева

Брат

Благодарен я своей судьбе.
Эта песня, брат мой, о тебе.
Радуюсь, что ты на свете есть -
Гордость ты моя, моя ты честь.
Разные в судьбе бывают дни.
Брат, не унывай, мы не одни:
Мама рядом, в здравии отец,
Брат приехал в гости, наконец.

Припев:

Брат! Брат! Брат!
Ах, какое чудо-слово!
Брат! Брат! Брат!
Слаще ничего иного,
Лучше никого другого!
Дорогой, пусть Б-г хранит тебя! -
Распеваю от души, любя.

Пусть любовь царит в твоей семье.
Жизнь идет по ровной колее.
Окружают верные друзья,
И удача жалует тебя.
На ребят растущих посмотри,
Женушку за то благодари:
Все у вас, братишка, хорошо,
Лучше будет, думаю, еще.

Повтор припева

Мангальщик

В мангале щепкой разведет огонь,
Прищурит взгляд, докурит сигарету,
Шампур привычно обовьет ладонь,
Надев корейку и люля-котлету.
Когда удастся выбраться сюда,
В любую пору, вечером и ночью,
Люблю неторопливо наблюдать,
Как он колдует над огнем, воочию.

Припев:

Мангальщик - светлой доброты душа.
Он - чародей, творит без лишних слов,
Шампур в руках повертит не спеша,
Гостям подарит радость и любовь.
Мангальщик, словно клавишник в дыму
На сцене в цветомузыке огня,
И силуэт пронзает полутьму
От ярких искр горящего угля.

Зажжет блаженства огонек в глазах
Своим люля, что просто объединье:
Гурман от упоения в слезах
Язык проглотит свой от наслажденья.
Ах, как же тает шашлычок во рту,
Как будто миг остановилось время,
Добавишь водки в эту красоту,
И в жаркий танец, рукавами рея.

Повтор припева

Придет домой, почти валясь без сил,
Жена улыбкой на пороге встретит,
За то что от души всех накормил,
Пусть благодарностью его приветит.

Пою!

*талантливому музыканту
другу детства
Шалуму Пинхасову*

Здесь могучий Кавказ присел отдохнуть,
Опустив свои ноги в Каспий Седой.
Здесь и я, мальчуган, бегал к морю босой,
Восхищаюсь тобою, мой город родной.
И о чувствах своих петь я не устаю,
Ты прекрасен мой город, тебе я пою.
Пою! Пою!

Улыбаясь отец на гармони играл,
В сердце с музыкой жить сыновей наставлял,
И восторгами сил придавала нам мать,
Мы стремились надежды родных оправдать.
В сердце с музыкой жить я не перестаю,
В благодарность отцу эту песню пою.
Пою! Пою!

Пусть на этой земле я сейчас не живу,
Но как близких друзей край родимый люблю.
Километры лозы, буйный нрав горных рек,
Красота этих мест в моем сердце навек.
И об этой земле петь я не устаю,
Ты прекрасен мой край, о тебе я пою.
Пою! Пою!

Здесь могучий Кавказ присел отдохнуть,
Опустив свои ноги в Каспий Седой.

В Дербенте дождь

Нетороплив, как горцы в разговоре-
Несуетливый, гордый, затяжной
В Дербенте дождь гостит меж гор и морем,
Сливаясь с изумрудною волной.
Дома и парки как на акварели,
А улицы сияют в сизой мгле,
В плаще промокшем будто, в карауле
Застыла крепость, стоя на холме.

Припев:

В Дербенте дождь, в Дербенте дождь
Немного скучный, ну и что ж,
Как мне мила его волшебная прохлада,
В Дербенте дождь, в Дербенте дождь,
Акаций, лип и кленов дрожь,
Блестят омытые листочки винограда.

Вдыхают свежесть городские крыши,
Ручьи щебечут, капель перестук,
Прислушаться, и музыку услышишь:
Поют кларнеты водосточных труб.
В благословенном солнечном Дербенте,
Дождь изредка не против отдохнуть,
А затоскует, прикаспийский ветер
Предложит кунаку продолжить путь.

Повтор припева

Бат-Мицва

Время промчалось, почти не заметил,
Дочка моя, ты уже подросла,
Вот и *Бат-Мицву** сегодня отметим,
Радость ты в сердце мое принесла.
Как ты красива, цветочек любимый,
В этот твой первый ответственный день,
Грустно немного, но самый счастливый
Папа сегодня, родная поверь.

Припев:

Тебя, моя принцесса,
С Бат-Мицвой поздравляю.
Твою, моя дочурка,
Я ручку отпускаю.
Лети моя голубка,
Мой ангел, моя кровь,
С тобою мое сердце,
Забота и любовь.

Та же дочурка, но что-то такое,
Взрослое что-то мелькнет по лицу,
Некогда сердце отдашь ты другому,
Может немножко оставишь отцу.

Повтор припева

**Бат-Мицва - обряд перехода еврейской девочки к совершеннолетию*

Поцелуй

(дуэт)

Полночь, зал отлета пуст,
Только что взлетел аэробус,
Улетел, на сердце грусть
И нежный поцелуй твой.
Вновь развеялась мечта,
Мне б с тобой в ночное небо,
Жжет разлуки пустота
И нежный поцелуй твой.

Гаснет в самолете свет,
Пассажиры отдыхают,
Но любви не гаснет след,
Что помнит поцелуй твой.
Прежние заботы ждут,
Вряд ли скрыть я буду в силах
Грусти тень в улыбке губ,
Что помнят поцелуй твой.

Припев:

Твой поцелуй, твой поцелуй
В объятиях любви,
Твой поцелуй, твой поцелуй
На дальнюю разлуку,
Ну почему, ну почему
Москва и Тель-Авив
Не отпускают нас с тобой друг к другу.

Разведенные мосты,
Неприкаянные судьбы,
Но на сердце только ты
И нежный поцелуй твой.

Жить не можешь без снегов,
Мне мой город не оставить,
Грусть-тоска моя любовь,
Что помнит поцелуй твой.

Повтор припева

Полночь, зал отлета пуст,
Только что взлетел аэробус,
Улетел, на сердце грусть
И нежный поцелуй твой.

Цветочек от любимой

Ты знаешь, милая, что греет в холода,
Отодвигает от меня ненастье,
Что теплой искоркой в душе моей всегда
И звездочкою утренней на счастье,
Волшебной сказкой растворяется в душе,
Льет музыкой закатов и рассветов,
И отчего я так пою на кураже? -
От этих упоительных приветов.

Припев:

Поцелуй - цветочек от любимой,
Поцелуй, мне счастье подари,
Поцелуй, мне так необходим он,
Чтоб радоваться жизни и любви.
Поцелуй - цветочек от любимой,
Поцелуй, мне счастье подари,
Поцелуй, мне так необходим он,
Чтоб радоваться жизни и любви.

Ты знаешь, милая, как счастлив я теперь,
Что ты идешь со мной по жизни рядом,
Придя домой с работы, открывая дверь,
Я с ангела встречаюсь нежным взглядом.

Повтор припева

Кунак

Заходи, дорогой мой *кунак**!
От души предадимся веселью,
Будем кушать *хинкал*** и коньяк -
Между делом есть время безделью.

На шашлык заготовил вчера
Я каре молодого барашка,
*Хаш**** наваристый будет с утра -
Нам в похмелье не так будет тяжело.

О друзьях своих будем шутить,
И о детях хорошее скажем,
За успех их с тобой будем пить,
Будет трудно, конечно подмажем.

Ты прекрасных растишь дочерей.
Дорогой не сочти за крамолу,
Породнимся, помолвим детей,
Старший мой уже год ходит в школу.

Заторопишься если домой
К своей милой законной супруге,
Проведу я дорогой прямой,
Передам тебя ей прямо в руки.

Тебе счастья желаю кунак,
И чтоб в доме твоём был достаток,
Чтоб и в горе, бывает и так,
Были рядом весь жизни остаток.

* *Кунак* - гость, приятель, друг у кавказских народов;

** *Хинкал* - традиционное блюдо дагестанской кухни;

*** *Хаш* - блюдо кавказской кухни - суп из говяжьих ног, рубца.

Старый тутовник

У старой шелковицы на ветвях
Качался мальчуган, слагая песню:
На волнах ветра, в бури жерновах
Был капитаном, что плывет над бездной.
Об однокласснице он пел своей -
Красивой и прилежной ученице,
В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь - у шелковицы.

Припев:

Старый тутовник - светлая сказка,
Рядом вдвоем - я и ты.
Детство нам дарит яркие краски,
Ветер рисует мечты.
Здесь, средь неясных переживаний,
Хочется рядом с тобой
Жить и учиться без расставаний -
Может быть это любовь.

Ствол дерева тихонько приобняв,
В молчании прислушиваюсь к ветру:
Изъеден тлей тутовник мой, трухляв,
Но чувства детские хранит и веру.
И увлечения мои тех дней
Раздвинули прожитые страницы:
В игре ресниц и солнечных лучей
Она стояла здесь - у шелковицы.

Припев:

Старый тутовник - светлая сказка,
Снова вдвоем - я и ты.
Первое чувство - в этом разгадка,
Свету подобно звезды.

Не сохранилось на дереве имя,
Вырезал что навсегда,
С ветром в лицо и мечтою наивной -
Славными были года.

Пальцы барабанщика

Барабанщик, как танцор лезгинки,
Строем пальцев обозначив круг,
Захрустит кистями для разминки,
И глазами засверкает вдруг.
Как проворно двигаются пальцы,
Щелкают и бьют, рождая звук,
Будто в диком искромётном танце,
Пламень изливается из рук.

Припев:

Барабан барабань, барабанщик барабань,
От души, сердца стук раззадорь и раздербань,
Пылкость страсти моей в вихре танца обнажи,
Ну, зажги, дорогой! Ты же можешь, покажи!

В медленном дыму шипят мангалы -
Седла и каре бараньих туш.
Пальцы музыканта, как запалы,
Будоражат нрав горячих душ.

Повтор припева

Пятьдесят

Нам, друзья, пятьдесят,
Разве в это поверить,
Пронеслись в суете
Все бывшие мечты.
Нам, друзья, пятьдесят,
Жаль, ретивое время
Не умерить в узде,
Подобрав животы.

Припев:
Пятьдесят, пятьдесят,
Пусть уже и многовато,
Пятьдесят, пятьдесят -
Юбилейный юбилей.
Будем верить друзья -
Этот возраст лишь экватор,
Светлых много будет дат,
О прожитом не жалею.

Нам, друзья, пятьдесят,
Разве в это поверить,
Те же лица ребят,
Тот же смех, баловство.
Нам, друзья, пятьдесят,
Но не время вечерять,
Ведь запал не иссяк,
Повоюем еще.

Повтор припева

Мама, мне пятьдесят,
Разве в это поверишь,
Нет уже озорства
Тех мальчишеских глаз.
Мама, мне пятьдесят,
От твоих колыбелен
И моя пацанва,
Пусть порадует нас.

Старый кларнетист

В кафе знакомое в надежде захожу
Послушать соло пожилого кларнетиста,
Ах, как же, помню, восхищался куражу
И энергетике игры его лучистой.

Не только музыкой он жег, но и душой,
Из сердца в сердце темперамент изливая,
Дарил восторг и наслаждение игрой,
Лишь для порядка, будто, пальцы разминая.

Немало времени прошло. Осенний парк,
И в синих сумерках мотив звучит знакомый -
Ты изменился, не меняются никак
Игры манера и талант неугомонный.

Твои года не те

Как в юности колотит сердце
В безвольной суете,
И в чувственном огне томится.
Твои года не те.
В любви не смею объясниться,
Горю в своей мечте;
Отпустишь наяву, так снишься.
Твои года не те.

Припев:

Ты молода, ты молодая,
Но что же делать мне.
Ты расцветаешь, я сгораю
В своей любви к тебе.
Твоей судьбою стать мечтаю,
Весь мир тебе дарить.
Что много старше, знаю, знаю,
Мне без тебя не жить.
Ты молода, ты молодая,
Но что тебе сказать.
Что я влюблен в тебя, ты знаешь,
Ах если б время вспять.
Оберегать тебя мечтаю,
И на руках носить,
Что много старше, знаю, знаю,
Мне без тебя не жить.

Тоску наводит день дождливый,
В разводах на стекле
Мне видится твой облик милый.
Твои года не те.
Стенанья не приносят счастья,
Не дарят шанс судьбе;
Лишь молния блеснет в ненастье.
Твои года не те.

Повтор Припева

Гатте (чабанская притча)

"Время молиться и спать, сынок", - сказал старый чабан своему племяннику-подпаску, устлая маленьким молитвенным ковриком землю неподалеку от тлеющего очага. Тишину пастбища нарушают размеренное ночное пение сверчков и заученные слова молитвы двух сидящих рядом мужчин. Их глаза, обращенные к обильно усыпанному звездами сентябрьскому небу, периодически скрываются в глубоком поклоне. Неподалеку, возле одинокого развесистого дуба, разместилась отара овец, в глазах стерегущих её собак блестящими искрами отражается горение очага.

Во время произнесения молитвы со стороны отары настойчиво и громко разносится бляение. Собаки с интересом вглядываются вглубь отары, однако, остаются сидеть на своих местах. "Гатте, бедняга, кается", - произнес старый чабан, сворачивая коврик и готовя себе и племяннику место для сна. Он разбросал у очага несколько овечьих шкур и старую износившуюся просаленную насквозь бурку. "Что Вы имеете в виду, говоря так, дедушка?" - спросил юноша, вороша веточкой тлеющие угли. "Ты, наверное, слышал, сынок, громкое бляение во время молитвы? Когда это происходит, люди говорят, что Гатте кается. Приляг, я расскажу тебе эту притчу.

Когда это было, уже никто и не помнит, но некоторые *аксакалы** утверждают, что были знакомы с героем этой притчи, чабаном, лично.

Его звали Гатте. Так вот, собравшись на летние пастбища с небольшой отарой, он взял с собой в помощники своего младшего брата Наби. Небольшую поклажу составляли канистра воды, кусок соленого овечьего сыра, полмешка муки, соль, спички, немного риса и свежее испеченные

лепешки. Три дня они двигались в направлении прошлогодней стоянки, однако, решили идти дальше, в сторону скалистых гор, так как растительности для длительной стоянки на прежнем месте было недостаточно. Еще через день чабаны со своей отарой подобрались к подножию гор, где обилие сочной травы позволяло устроить стоянку.

Через две недели пребывания на пастбище Гатте заметил, что одна и та же овца постоянно уходит в скалы и приходится всякий раз устраивать поиски и возвращать беглянку в отару. Как-то он решил проследить, что притягивает эту путешественницу в скалах, и последовал за ней. Долго ему ходить не пришлось. Под ручьем, спадающим водопадом с небольшой скалы, в его разноцветных брызгах он увидел омывающуюся девушку ослепительной красоты. Её кожа была цвета топленого молока, а по плечам опускались ослепительные светлые локоны. Девушка была абсолютно нага, но увидев чабана, как будто не испугалась. "Вы не видели здесь овцу, ханум**?» - в оцепенении обратился Гатте к девушке. Девушка, улыбнувшись, ничего не ответила и пошла прочь, невольно увлекая потрясенного чабана в скалы. Замученный долгими переходами и длительным одиночеством, чабан не смог удержаться и приобнял удаляющуюся девушку. Девушка как будто замерла и не сопротивлялась настойчивому желанию чабана насладиться ее красотой и негой.

Когда Гатте пришел в себя, перед ним сидела затерявшаяся овца, которая что-то блеяла у его головы. Недолго поискав в скалах свою пропавшую белокурую грацию, чабан взял на руки овцу и спустился вниз к отаре. Брат в тени дерева уже готовил полуденный обед: рисовый суп с мясом аппетитно дымил в котелке над костром.

На следующее утро Гатте пошел на поиски пристанища повстречавшейся ему девушки. Однако, увидев уходящую в скалы овцу, решил снова проследить за ней. Овца пробиралась вдоль скалы к знакомому чабану ручью и, чуть

коснувшись струящейся воды, преобразилась во вчерашнюю незнакомку. Он был так шокирован увиденным, что мог только еле слышно произнести: «Так вот ты кто?» Девушка решила бежать и, беспорядочно передвигая ноги, упала. Гатте приподнял ее на руки, омыл раны, нанесенные острыми камнями, и снова не смог удержать нахлынувших его чувств.

Ничего не говоря напарнику, чабан стал каждый день приходить к ниспадающему роднику и наслаждаться красотой обращающейся из овцы девушки. Он даже оборудовал у родника некоторое подобие шалаша, устелив его нежнейшей травой. Однако, в один из дней, встречаясь с девушкой, он проспал до самого вечера, проснувшись от удара хворостиной. Над ним стоял младший брат Наби и негодовал: "Ах вот ты где, негодник!" В следующую секунду брат схватил его за рога, приподнял и потащил в сторону отары.

Да, мой дорогой племянник, чабан Гатте превратился в самого настоящего барана. Если ты видишь в овце женщину своей мечты, помолись Всевышнему, чтобы он отвел твои помыслы от нее, не будь бараном. С тех пор, когда во время молитвы, кто-то в отаре громко блеет, говорят: "Гатте, бедняга, кается".

С севера надвигаются хмурые облака. По ночам становится прохладно. Наш старый чабан с подпаском и вверенной им отарой спускаются с гор в низину, к своим семьям и уютному домашнему очагу. Овцы, нагуляв вес, как будто тоже рады возвращению и делятся между собой впечатлениями от проведенного путешествия.

**Аксакал – почтенный старец на Кавказе;*

***Ханум - почтительное обращение к женщине на Кавказе.*

Белые гуси

*В память о моей бабушке
Рахмиловой Истир*

Всё в природе достойно уважения, ибо создано и существует по воле Всевышнего, и никому не дано знать сути его замысла.

Было ли, не было - решать вам, если доставите мне удовольствие и дочитаете настоящую историю до конца.

В живописнейшем предгорье Кавказа, в одном из селений, которое окаймляет небольшая, но своенравная речушка, жили два крестьянина. Когда пришла пора, оба поженились и построили своим семьям жилища из саманного кирпича на специально выделенной сельсоветом для молодоженов земле. Крыши их новеньких домов были настолько близко, что практически сливались в одну. Также были по-соседски близки и обе молодые семьи. Через год одному крестьянину жена подарила сына, а другому не было пока на это милости Всевышнего. Но супруги не унывали и продолжали мечтать о своем ребенке, наблюдая за счастьем в соседском доме. Однако, им не суждено было осуществить мечту - пришла Война. Оба крестьянина ушли на фронт и не вернулись. Их вдовы, Рут и Дестегуль, сообща прошли через сложные военные и послевоенные годы, помогая друг другу и надеясь на возвращение своих мужей, но чуда не произошло.

Сын Рут Нисон вырос обласканный заботой двух женщин-вдов и был способным и учтивым мальчиком. Он окончил семилетку и уехал в город, чтобы продолжить учебу. По выходным, приезжая к своей матери, как мог помогал ей в небольшом хозяйстве. Вскоре, окончив училище, он остался работать в городе электромонтером.

В продолжение истории напомним, что электричество еще до войны появилось в домах горожан, тем не менее, даже в начале шестидесятых в горах существовали селения, для которых электрический свет оставался диковинкой. Человек, который разбирался в электрике, такой как Нисон, пользовался уважением даже у пожилых сельчан, прошедших не одну войну. Некоторые из них, когда он проходил мимо сельского годекана, даже немного привставали, здороваясь в ответ на его рукопожатия, оказывая этим верх уважения. Поселения, имевшие сельсовет или почтовое отделение, по поручению партии должны были быть электрифицированы. Однако, в лучшем случае электричество было только в вышеуказанных учреждениях. Люди в аулах были в основном пожилые, уже привыкшие жить «так как живут» и, в общем-то, и не поднимали вопрос об электрификации их жилищ перед сельсоветом. В этом деле нужен был толкач, и этих толкачей было целых два: научно-технический прогресс и наш скромный, но образованный электромонтер. В первую очередь Нисон провел свет в дом главы сельсовета, его заместителя и главного бухгалтера. Затем, благо свет проводил сам Нисон без дополнительных ассигнований из кассы сельсовета, это стало доступно и другим сельчанам. Нисон никогда не просил оплату за свою работу и даже избегал разговоров об этом. Тем не менее, осчастливленные односельчане не отпускали его без подарка, пусть бы это были сыр, масло, птица или какие-нибудь фрукты и овощи. Бывало, когда на радостях за ворота дома его матери загоняли овцу или барана. Через два года работы по выходным дням, Нисоном было полностью электрифицировано родное село, а в доме его матери наметился некоторый достаток. Все более-менее смышленные мальчишки села хотели быть электромонтерами, такими как Нисон.

Вскоре Нисон женился на городской девушке, и у него родился сын. Для того чтобы обеспечить молодую семью, он выезжал с напарником в далекие высокогорные села на шабашки. Однажды увидев, как живет одинокий старик-калека,

он предложил установить лампочку в его обветшалой сакле. Как и обещал, через неделю под центральной балкой на потолке жилища старика рядом с привычным ласточкиным гнездом красовалась светящаяся лампочка в светлом фарфоровом патроне. Прослезившийся старик позвал собирающегося уходить Нисона и сказал, что у него есть чем отблагодарить молодого человека, и пусть не думает, что он так беден, чтобы не сделать этого. Покопавшись в амбаре, еле передвигаясь, он предложил Нисону плетенную ивовую корзину. В ней лежало четыре на вид как будто прозрачных гусиных яйца. «Только сынок не бей их на яичницу. Уверен, из них выйдут великолепные гуси», - сказал старик, с благодарностью обнимая Нисона на прощание.

К вечеру Нисон уже был в расположенном недалеко родном селении. Мама с радостью приняла сына, выслушала рассказ о старике, накормила и уложила спать. Наутро сын уехал в город. Увидев несколько принесенных Нисоном яиц, она решила отнести их соседке Дестегюль. Соседка была рада подарку и взамен в ту же корзинку насыпала только что собранных на своем небольшом участке абрикосов. Памятуя о пожелании старика, передавшего Нисону яйца, Дестегюль уложила их в куриное гнездовье и посадила сверху свою старую, уже давно не несущую яиц гусыню. Гусыня, как будто не веря в свое счастье, сразу же накрыла их своим телом, и на протяжении трех недель высиживала. Вылупившиеся гусята были необычного пепельного цвета и радовали одинокую Дестегюль, как если бы это были дети. Она души в них не чаяла: вовремя кормила, поила, провожала на окраину селения, где они вместе с гордой гусыней-матерью пощипывали травку. Вскоре гуси подросли. В отличие от других домашних гусей селения, которые были преимущественно серого цвета со светлыми манишками на груди, эти были ослепительно белого цвета. Дестегюль, помимо работы в совхозе, подрабатывала на дому: покупала в городе все необходимые материалы и выстегивала одеяла, тем и жила. Впервые выщипывая своих молодых гусей, она

обратила внимание на изумительно-нежнейшие пух и перо своих птиц и использовала их при изготовлении одеял и подушек. Первое же одеяло, в благодарность за подаренные яйца, Дестегюль подарила приехавшему на выходные к маме Нисону.

Через четыре года у Дестегюль была стая из более шестидесяти гусей, о её гусях знали мастера по изготовлению изделий из пуха и пера далеко за пределами района. К ней приезжали издалека и предлагали большие деньги хотя бы за пару белых птиц или за несколько яиц. Однако она очень любила своих гусей, различая некоторых из них по именам, и никогда не позволила бы себе продать их, а уж тем более использовать на мясо. Благодаря необычным гусям и своему трудолюбию, Дестегюль постепенно встала на ноги, и к ней в дом стали приходить гости.

Соседка и подруга Дестегюль, Рут, ревновала её к приходящим к ней гостям, завидовала её неожиданно появившемуся достатку, и поэтому немного отделилась от нее в последнее время. Нисон, после рождения третьего младенца, стал реже приезжать к матери, из-за чего Рут было одиноко. И кто, по-вашему, был виноват в этом? – конечно же, белые гуси. Прекрасные гуси, к которым Дестегюль относилась, как к своим недарованным ей в жизни детям. Уж так она их любила. Как-то, когда стая белых гусей проходила мимо, Рут не выдержала и, хватая с земли все, что попадется, стала со злобой бросать на гусей, в сердцах приговаривая: «Твари вы, твари. Сволочи вы, сволочи». После такого бомбометания Дестегюль не досчиталась пары своих гусынь, а несколько птиц добрались до дома хромыми и с побитыми крыльями. Она пошла к окраине села, туда, где обычно гуляют её гуси, окрикивая пропавших по именам, и обнаружила их окровавленные останки. Ей, видевшей смерть в своей жизни не раз, было очень больно. Она похоронила своих питомцев возле реки. Чудесным образом, никто на селе ничего не видел, но громкий гусиный галдеж слышали многие. Рут, глядя на горе подруги, жалела её и корила себя за совершенное.

Однако, когда следующим летом к Дестегюль приехали корреспонденты из столицы республики, ее снова охватила зависть.

Собрав вдоль тропинки, по которой гуси ходят на прогулку, достаточно пуха и пера, Рут разбросала их у входа и в глубине своего огородика. Не жалея потраченного ею же труда, истоптала и поломала несколько посаженных ею ровными грядками кустов овощей. Выловив в возвращавшейся домой белой стае гусёнка, она понесла его в дом своей закнутой подруге. Долго причитала и заламывала руки Рут говоря, что гуси испортили результаты её непосильного труда. Взяв за руку Дестегюль, привела ее в свой огород и укоряла подругу в том, что она никого не любит, кроме своих прожорливых вороватых гусей, которые не раз уже топтали её огород, но, во имя дружбы, она не говорила раньше об этом своей соседке. Но сейчас пришел конец и её ангельскому терпению. Рут просто требовала наказать гусей. Дестегюль, накрученная своей соседкой, пришла домой, взяла первую попавшуюся под руку хворостину и, зайдя в загончик где располагались её гуси, впервые в жизни стала хлестать разбегающихся в стороны и не понимающих причину немилости гогочущих птиц. Не успокоившись, она еще некоторое время, рыдая, кляла их, пока не заснула. Наутро, выйдя во двор, Дестегюль увидела распахнутую калитку загончика для гусей. Гусей не было видно. Выйдя на возвышенность у реки, стала звать их. Эхо разносило крик Дестегюль далеко за пределы селения. Целый день Дестегюль бродила в окрестностях села, но так и не нашла своих гусей. Вечером после работы к ней домой зашел пастушок Наби и рассказал о невероятности, которую ему представилось наблюдать ранним утром. Стая белых гусей, разогнавшись, бросалась с утеса над рекой и улетала в сторону течения реки. Долго Дестегюль плакала и проклинала себя. К ней приходили люди, успокаивали: говорили, что кто-то видел какую-то белую стаю в двадцати километрах отсюда, ближе к морю; кто-то говорил, что видел ее гусей лично возле

города. Все жалели одинокую вдову. Однако, что сделано, то сделано, и горю не поможешь.

Зима выдалась холодной, и две соседки-вдовы часто сидели друг у друга, чтобы сэкономить дрова и не топить на два дома. Тут-то Рут в слезах и призналась, что возвела напраслину на птиц, подстроив все, потому что приревновала к ним свою подругу.

Весной, когда соседки, сидя во дворе Дестегюль, перебирали головки лука для посадки в грунт, туда залетели две пары белых гусей. Они подлетели к своей прежней кормушке, пощипали остатки разведенного комбикорма, попили водички и, встретившись взглядами, как будто заглянули в самую душу своей бывшей хозяйки. Немного походив по двору, гуси вспорхнули на крышу дома и затем улетели.

«Они простили меня!» - расплакалась вдова. «И ты прости меня, Дестегюль!» - обняв свою подругу, расплакалась Рут. Они еще долго сидели и горько плакали, вспоминая о своей ушедшей молодости, лишениях, которые им пришлось испытать, недополученной любви и так рано оставивших их любимых мужьях.

Имя

При моем рождении родителям не пришлось думать, какое имя дать новорожденному. Все было предрешиено преимущественным правом пращуров семьи - бабушки и дедушки моего отца, при весьма совещательных правах остальных: моей бабушки – вдовы погибшего на войне дедушки, в честь кого и чьим именем меня называли; моих родителей и другой более и менее близкой родни. Называли меня Гемриил с соответствующей записью в свидетельстве о рождении. Так и называли меня до конца своей жизни наши старшие, а родители, будучи ассимилированы в русскоязычное многонациональное сообщество города Дербента, называли меня попроще и для слабых ушей - Гена. Думаете они были одиноки в этом? Второе, русское, имя имело немало моих лезгинских, азербайджанских, табасаранских и прочих сверстников. При этом, угадать настоящее было занятием неблагодарным, хотя и выполнимым. Фамилии, к счастью, не подвергались аналогичной обструкции, и по ним, а также некоторым другим признакам, можно было легко определить с представителем какого народа ты имеешь дело или водишь дружбу.

Так я и дожил до своих лет с именем Гемриил в паспорте и вторым, упрощенным, испытывая некоторые неудобства, и, в то же время, гордясь преемственностью своего имени и светлой памятью своего деда.

Однако позднее случилось непредвиденное и не очень приятное озарение. Каждый год я прилетаю в Израиль, бывает что и по несколько раз, в гости к моим близким: родителям, брату и сестре. Они настолько давно стали израильтянами, что уже не кажется нереальным окончание оплаты по ссудам за приобретенное по приезду на Святую землю жилье. В этот раз, на паспортном контроле в аэропорту

Тель-Авива, среди сотни благосклонно пропущенных на обетованную людей, именно на мне надолго остановилось бодрствующее око смуглой служивой девушки. Мало того, что она усомнилась в моем еврействе, несколько раз переспрашивая и недоверчиво ухмыляясь, но и, самое ужасное, она как-то язвительно просклоняла мое, мне кажется, исконно-еврейское имя, будто не понимая, как еврей может носить такое. Я испытал настоящий шок и продолжительный стресс: может быть сомнения закрались у нее из-за моего двухметрового роста и холеного круглого лица; нет, надо же - я всю жизнь несу как флажок со звездой Давида свое еврейское имя, претерпеваю разное, а оказывается, что я сам по себе – просто отдельно взятый Гемриил. Обидно.

После ожидания в специальной комнате, среди таких же как я, сомнительных, но откровенно арабской внешности людей, я прошел небольшую проверку, ответив на ряд вопросов. Когда мне, наконец, удалось выйти из здания аэропорта на свет Б-жий, я немного пришел в себя. Сев в нужный поезд, я сразу же «загуглил» свое имя, благо в поездах в Израиле имеется бесплатный Wi-Fi. И что же я обнаружил: себя родимого во многих подробностях моей сознательной жизни; народную сказку, которая так незамысловато и называется "Гемриил", а также, упоминания о многих достойных людях из моего небольшого народа, имеющих такое же замечательное имя.

Ну, хорошо. Бывают редкие еврейские имена, и не все же обязаны, даже пусть они работают на таком ответственном посту - паспортном контроле в аэропорту Израиля, знать наизусть всё их возможное разнообразие на земном шаре.

Счастья тебе, служивая, и хорошего жениха с достойным исконно-еврейским именем, и еще – мира и добра государству Израиль.

О, женщины!

О, женщины!

О, женщины! Вы созданы для неги!
Чтоб в сторону печали отводить!
Но чаще, все же, тянете телеги,
И тихо так, чтоб лихо не будить.

Б-г создал вас для умиротворенья,
Даря мужчинам к жизни интерес.
Вы миру шанс даете возрожденья,
Толкая ненавязчиво прогресс.

С цветами и восторженным поклоном,
И искренним радушием в глазах,
Простить прошу, воспользуюсь шаблоном:
И дня без вас на свете жить нельзя!

Полюбить

Уже не будет полной безрассудства
Всепоглощающей большой любви,
Покойтесь с миром прежние безумства,
Пора терзаний, страсти до зари.
Пусть в этой жизни, без любви, унылой,
Ее не встретить больше никогда,
Я счастлив тем, что все когда-то было,
С лихвой на душу, в прежние года.

Любовь легка порою и не вечна,
Но пламя страсти не дано забыть:
Как, растворившись в нежности беспечно,
Сквозь поцелуи тщишься говорить.
Не обмануть течения природы,
Не заискрит, как прежде, жизни нить,
Однако, сердце, несмотря на годы,
Лелеет вновь кого-то полюбить.

Не предала, не клялась, не любила

Не предала, не клялась, не любила,
Закончилась влюбленность, вышел срок,
В окне метровагона растворилась,
Оставив хлесткий на душе ожег.

Чего стою, твой поезд не вернется,
Улыбка сожаленья, взмах руки,
Бреду в тоске, а сердце словно рвется,
Унять не в силах приступа тоски.

В прибывший поезд входят торопливо
Десятки судеб с сотнями потерь,
Не предала, не клялась, не любила,
Была и растворилась, что ж теперь.

Желанная

Желанная! Чего ж ещё желать.
Желанной быть - желанней нет наград.
Желаю жить и грудью всей дышать,
Своей красой приковывая взгляд:
Походкой легкою, как сам восторг,
Улыбки светом, ожиданьем встреч,
Других не жалуя у стройных ног,
Как бы не жаждали они увлечь.
Желанной быть, что птицею летать,
Мазками яркими весь мир вокруг,
Пусть не оставит эта благодать
Твою желанную, желанный друг.

Только не весна

Осень-расставание - в душе
Слякотно и зябко, ёжишь плечи,
Сникшая природа в неглиже
Гаснувшему чувству не перечит.

Плотская безудержная страсть,
Игры, флирт и необремененность.
Кончился сезон, прошла напасть,
Лето—расставание - влюбленность.

Жизнь в порывах сброшена с петель,
Выправить обратно - нет желанья:
Расставание-зима - метель
Стелется поземкой на прощанье.

Чувства, как иные времена,
Соль несут своих переживаний,
Только расставание-весна
Против естества и ожиданий.

Месяц и облако

Маленькое облако на исходе дня
Бархатною нежностью радует меня,
Месяцем хрустальным я рядышком лечу,
О любви отчаянной ласково шепчу.

Сумерки улягутся, в окружении звезд
Провожу я облако до золотых берез:
Искренним признанием вряд ли удержать,
Холодом расстелится звездная кровать.

Прочь угонят облако резвые ветра,
В пьяном одиночестве буду до утра,
Полосой забрезжится розовый рассвет,
Оглянусь с надеждою - облака там нет.

Месяц растворяется в ярком свете дня -
Посидев у краюшка, не найду тебя.
Маленькое облако - нежная печаль,
Нынче новолуние - пустота, а жаль.

Танец

Вкушаю с упоением нежность рук
В невинном танце, близости блаженной:
Трепещет сердце от забытых мук
И торжества минутного сближенья.

Взволнованному хрупкой красотой,
Мне не посметь в любви своей признаться:
В прелестном танце я пленен мечтой
И не хочу навеки с ней расстаться.

Быть может, рвусь в затворенную дверь,
Ведь мы, к несчастью, в разных измерениях:
Мой мир - сентябрь, ну а Ваш - апрель,
Горю и мучаюсь в своих сомненьях.

В лица черты засматриваюсь вновь,
Как в соцсетях примеченное фото,
Вы снизошли сюда из мира снов
На легкий танец прямо с небосвода.

Возможно, Вас с другим сведет судьба,
Кто помоложе будет и успешней,
А что же я - исчезну навсегда,
Осенний лист с мечтой о счастье вешнем.

Есть то, что невозможно изменить,
Почти парим в объятиях по кругу -
Окончен танец, надо дальше жить:
Благодарю, целую Вашу руку.

Разные

Мы разные, как два клочка земли,
Как серп луны, закаты и рассветы,
Что видятся по разному вдали
Сквозь разный воздух с разных мест планеты.

Но случай, притяжение стихий
Все наши различия в одно связало,
И в волшебстве смешенья энтропий
Ты для меня частичкой света стала.

Пусть бури вызывает разность сфер,
В лощинах чувств нередкие раздумья,
Ты устремление, восторг, пример,
Изъять бы только капельку безумья.

Капает дождик

Капает дождик, тоску нагоняя,
Бисером льет волшебство,
Люди бегут с остановки трамвая,
Выпустив краски зонтов.

В разные стороны бросились судьбы -
Каждому свой уголок.
Яркими красками мокрые клумбы -
Славный дождливый денек.

Мы обсуждаем, смотря из окошка,
Разнообразие дней.
Греем озябшие души в ладошках,
Жмемся в объятьях тесней.

Нас разлучила нелюбовь

Нас разлучила нелюбовь,
Но и она была прекрасна,
Я улыбаюсь в день ненастный,
Твои глаза представив вновь.

Нас разлучила нелюбовь,
Но ты останешься мне музой,
И то прощанье под Тарусой
Лишь пробуждение от снов.

Нас разлучила нелюбовь,
С тобою рядом, как с крылами,
Парил орлом над облаками,
И не искал для виршей слов.

Нас разлучила нелюбовь,
Пусть наш союз и не был раем,
Я признаю, мне не хватает
Тех встреч, прогулок и звонков.

Нас разлучила нелюбовь
И холостяцкая рутина,
Как поглощающая тина -
Не победить ее оков.

Без ураганов и ветров,
Под крап дождя цветущим маем,
Безмолвно руки пожимаем -
Нас разлучила нелюбовь.

Причуда

Мне снилось, что воссевши, как на трон,
На тройку, запряженную ослами,
К ногам твоим с гармонью и шутами,
Примчался объясниться, что влюблен.

Ладони лотосом собрав в мольбе,
С улыбкой джокера, сложившись фрикком,
С ослами в унисон, несносным криком
В безумной страсти признаюсь к тебе.

Рассеялась дремоты пелена,
Задумался: что это за причуда,
Кто краски льет на мельницу абсурда
И пишет нам сценарии для сна?

Пора любви

Любил ли я когда-либо - не знаю,
Но теплоту и волшебства порыв,
Восторг и счастье без конца и краю
Не раз случилось для себя открыть.

Безудержная страсть и радость жизни,
Когда стремленья музами трубят,
Чувств новизна, весенних лужиц брызги,
Пока запал не изведет себя.

В такую пору жизнь подобна раю,
Но то не рай: конечны страсть и пыл.
Любил ли я когда-либо - не знаю,
По совести: лишь в те моменты жил.

Ты станешь ангелом моим?

Ты станешь ангелом моим? -
Хочу быть век с тобою рядом,
И день, и ночь, все сутки кряду,
Любовью искренней томим.

Лелеять и обожествлять,
Предвосхищать твои желанья,
Цветами, пламенным свиданьем
Разлуку каждую венчать.

С тобою, светлый ангел мой,
Исколесить хочу планету,
Закаты наблюдать, рассветы,
Прогуливаться под луной.

И целым быть с тобой одним:
Дыханьем, дымкою воздушной,
Мне счастья большего не нужно -
Ты станешь ангелом моим?

Везет

В тебя, как в полудрему, окунаюсь.
И мир её: не сон, не явь - другой.
Ючусь, как гусеница, пеленаюсь
В твой воздух, твои прелести, покой.

Проснусь другим, как будто обновленным,
И бабочкой захочется в полет -
Летать по будням одухотворенным:
Надеюсь, и тебе со мной везет.

Девчонка

Каблуки, макияж и разрез у бедра,
Побрякушки на хрупких ручонках,
Наблюдая невольно, я понял с утра -
Ты без этого просто девчонка.

Удивляюсь, насколько же юная ты,
Без теней и раскрасок на веках;
В этом нежном периоде правят мечты
О каких-нибудь принцах в доспехах.

Припозднился беспечно в гостях, в суете
Опоздал на автобус, вернулся,
И проснувшись, узрел на соседней тахте
Ту, которой вчера улыбнулся.

Ничего не могло быть меж нами тогда,
Но запомнился облик невинный;
Понял я, из такого же в точь ангелка
Афродиты мои и Афины.

И расставание не значит ничего

И расставание не значит ничего:
Пусть не совпало быть с тобою рядом,
Отнять все то, что доставляло радость,
Что было счастьем и души усладой
Немыслимо, ведь это волшебство.

Да, волшебство, как залпы конфетти,
Полосками спадающие блески:
Рассвет во фьордах, пальмы и березки,
И чувства светлого, казалось, отголоски -
Ведь память не сотрешь, как не крути.

Твои глаза, что на десятках фото,
Блистали теплым вкрадчивым огнем:
Под солнцем - ярко, мягко - под дождем,
Забыть, возможно, хочешь обо всем,
Я - не готов и капельку чего-то.

Прощанье не вернуло статус-кво:
Ты остаешься жить во мне истомой,
Тепла частичкой, крохой невесомой...
И расставание не значит ничего.

Это было

Это было с тобой и со мной,
Лет не помню - ходили уже,
Интерес - опыт первый смешной:
Ты и я, тет-а-тет, неглиже.

Любопытство беспечное в нас -
Прикоснулись друг к другу всего,
Не стесняясь совсем, напоказ
Демонстрируя всё естество.

Озадачен, ходил как немой:
Как же так беззащитна она.
Разошлись - я за ручку домой,
Ты осталась стоять у окна.

Осень поздняя, вечер, свежо,
Ветер резвый толкнул нас в впотьмах.
Улыбнулся, узнал, вспомнил всё -
Любопытство всё то же в глазах.

Поиграем

Поиграем в любовь, поиграем,
Коль в сердцах прижились холода,
Хоть попробуем, может оттаем:
Поиграем — не будет вреда.

Ты прекрасна, пускай кто-то спорит,
И мила, и умна, и чиста,
Среди многих возможных историй,
Я играю с тобой неспроста.

Счастлив - рядом со мною нагая
Дремлешь ангелом ты поутру,
Я откроюсь тебе дорогая,
Что влюблен, прекращаю игру.

Предвкушаю признания встречу,
Галстук-бабочка, должный настрой:
Держишь ручку ты в чьей-то беспечно,
Увлеченная новой игрой.

Наваждение

Как солнечных лучей игра
И как пикантность перца
Щекочет пальцем гусяра
Любовь по струнам сердца.

Восторги, радость, теплота
И жизнью наслаждение.
Вот так была б и прожита -
Страшусь, что наваждение.

Нежный сон

Нежный сон, несбывшаяся встреча,
Трепет чувств в объятиях желанных,
Неужели счастлив и беспечен,
Лаской опьяненный долгожданной.

Как флажочки пламени по телу
С жарких губ, касающихся кожи,
Рвется кровь по сердцу оготело,
Душу распалив и растревожив.

Где-то рядом шепчутся признания,
Мы с тобой в тумане безрассудства,
В буйство переросшие блуждания,
В пламени тела, дыханья, чувства.

Мысль о нереальности раздвинет
Пелену видений, сняв вопросы:
На пустой несмятой половине
Сирых одеял моих торосы.

Одуванчик

Ценитель распрекрасной половины,
Юродив будто бы на тему дам,
Венеры, Афродиты и Афины
Всё грезятся ему и тут и там.

В любви клянётся сразу, без разбега,
Стихи, цветы и нежные слова,
Бьют в мозг и дифирамбы, и опека,
А пыл таков, что кругом голова.

Галантен, и держа как драгоценность
Ладонки женские в своих руках,
Бездонность глаз приметит, совершенство,
Лобзаннями осыплет впопыхах.

Не человек, а божий одуванчик,
Что сеет парашютиками мир,
Восторженный любезник - вечный мальчик,
К кому теперь несет его зефир.

Но нет страдалиц от его недуга -
Уж больно безрассуден он в любви,
Покинутая крестит вслед подруга:
"Лети мой голубь! Б-г благослови!"

Лет нам осталось

Лет нам осталось — на пальцах счет,
Что ж мы с тобой собачимся,
Каждая ссора здоровье жжет,
Право же, дурь и ребячество.

Если достанешь вконец, готов
Сгинуть в огромном городе,
Быстро придет осознание то,
Как же друг другу мы дороги.

Скоро апрель, игнорируют снег
Ранними трелями птицы,
Есть еще время, хоть короток век,
Тем, что дано, насладиться.

Давно не виделись

Чужой до боли, отстраненный взгляд.
Давно не виделись — ты не свободна.
Как дробью в грудь пронзительно-холодной
Я легкой поступью твоей размят.

Да, ты прекрасна, ножки и рельеф,
Глаза беспечнее, а грудь пышнее.
И где же был я, что считал важнее,
Когда расстался с лучшей из дев?

Чужая, что ж, прекрасен мир вокруг,
Любви ошибки и горьки, и сладки,
Прильну к другой, к чему теперь нападки,
Кто в пух и прах развеет мой недуг.

Сынок

Залет, девичьи слезы, малый срок,
Ты смотришь искоса и ждешь ответа.
В смятенье я, совсем не против где-то,
Но мама мне: «Какие твои лета:
Не торопись, оставь ее сынок».

Авралов на работе черед,
Вздыхаю я за ужином натужно,
И мама мне: «К чему нам эта служба,
Начальство если к служащим бездушно,
Так это не работа — ерунда».

На съемной я не раз искал приют,
Но мама: «Что за барские замашки?
Что - негде жить? Кто приготовит каши?
Кто будет гладить и стирать рубашки?
Так, даже и не думай, баламут».

Что ждет меня, прекрасная из мам,
Когда наступит час, уйдешь навеки;
Твоей, родимая, лишусь опеки?
Что в одиноком толку человеке,
Какая радость ждет меня к годам?

Любовь не проходит

Любовь не проходит бесследно,
А лишь притаится внутри:
Так дремлет бурливая Этна,
Вмещающая в себе свет зари;
Так трепетом парус рыбацкий
В час зноя баюкает штиль;
Так песни поются бурлацки
За тысячу дней или миль.

Она не исчезнет в пустыне,
В дожди иль в снега, в мире снов,
Забвенье не ждет её имя,
Все так, если это - любовь.
Как искренне, проникновенно,
Курлычут в клину журавли,
Любовь не проходит бесследно,
А лишь притаится внутри.

Покой

Лицо, уставшее в горниле дня,
Прохладою покрою твоих рук,
Но взглядом воспален, не времени,
Вопьюсь нещадно в бархатистость губ.
Нектаром наслажусь закрытых век,
По шелку шеи проведу щекой,
И растворенный упоеньем нег,
Закончу день и обрету покой.

Женщина грез

Жизнь проходит, не долог конечный утёс,
И все явственней, что, подходя к рубежу,
Не случилось найти свою женщину грёз:
Ту, что чувствую рядом, но не разгляжу.

С самой юности где-то на сердце моем
Ты присутствуешь, будто, частичкой тепла:
Объявилась, казалось, неплохо вдвоём;
Жаль, попугайца снова - не ты, и не та.

Не пугает меня виртуальность пути,
Пусть не встретиться нам наяву никогда:
Опасаясь - ты ангел, и не во плоти;
Ну, тогда, опечалюсь, сгорю от стыда.

Аленка

Я понял от чего в тебя влюблен,
И околдован был, лишь заприметил,
Блаженством заволочен и огнем,
И что, за это волшебство, в ответе.

У очереди длинной на краю
На стеллажах рядками шоколадки:
В девчужке на обертке узнаю
Тебя, мой нежный ангелочек сладкий.

Какао, сахар, молоко, масла;
Глаза и щечки – в точь моей девчонки.
Звоню любимой: "Здравствуй! Как дела?
Скажи, ты как относишься к "Алёнке"?"

Не зажглось

Прошу прощенья, солнце, у тебя
За то что не зажглось, не заискрилось,
За то, что было с нами, и не сбылось -
Нельзя быть вечно вместе, не любя.

Как разожжешь, коль даже не искрит,
Не сохли, а сырели наши спички,
Пытались здесь и в дальнем заграницье,
Где будто счастлив был с тобой пиит.

Ни что не вечно, есть всему итог,
Не думаю, что ждешь звонка на трубку,
Я сам нырнул в бессрочную разлуку,
А если так, то есть ли в этом прок.

Пазл

Взбешен капризами и рву в досаде
В клочки дарованный тобой портрет,
Что рисовал художник на Арбате;
Прелестницу, держащую букет.

Но отошел, и собираю пазл -
Частички той, которой лучше нет;
Поверх пергамента, что клеим смазал,
Явился вновь твой лучезарный свет:

Нашел глаза, которым улыбаюсь,
Добавил к ним все части до одной.
"Ах, как я мог?" - порыву удивляюсь,
Целую в лобик: "Ангел мой, родной!"

Поддался искушению

Поддался искушению: любить!
И лишь теперь постиг опасность эту:
Не любишь ты, и вместе нам не быть;
Не вековать счастливому дуэту.

Желал других я женщин - не святой,
Теперь влюблен, желанье производно,
И сердце обжигает кислотой,
Как же легко становишься холодной.

Завязнувший в чужом пруду гусак,
Глотаю брошенные рядом крошки,
Хоть ближе не становимся никак,
Трубить отход повременю немножко.

То в жар, то в холод бросится душа,
Вслед обожанию презренья ругань:
Любовь, когда взаимна, хороша,
А нет - опустошающая мука.

Комета

В сомнениях метался и страдал,
Признаюсь в том, что не от страшной боли,
А от любви и незавидной доли:
Не выйдешь за меня - я слишком стар.

И правда, утро жизни не вернуть,
Большая разница - твержу заклятье,
А чувство позднее - мое проклятье,
Смирненную навеивает грусть.

Открыто от тебя услышать: "Нет!"-
Ножом по сердцу, пусть уж по бумаге;
Письму доверюсь, дело не в отваге -
Отсрочить разве тягостный ответ.

Замедлив ход, настойчиво летит
По эллиптической кривой комета,
И в бездне разворачиваясь где-то,
На новую идет спираль пути.

Мечта

Дом обволочен кружевом лиан,
Дремлю в саду под сенью винограда,
Трещит поилка, радугой фонтан,
Калитки скрип - "пришла, моя отрада!"

Окликнула - вернулся ли домой,
Мелькнули ножки вдоль гряды пионов,
В благоговейном созерцании, немой,
Ловлю слюну, как худший из шпионов.

В моей мечте - она, а кто ж еще?
И дом, и сад, всё только к ней придаток.
Взгляну на косу и румянец щёк,
И нежность разливается до пяток.

Ни телефонов, ни инета, ни ТиВи -
Лишь мы вдвоем и ничего пустого.
Здесь верховодит магия любви,
И нежный взгляд, и ласковое слово.

Цветение персика

Весна - природы торжество,
Цветение персика чудесно.
Зажмурясь, прижимаю тесно,
Хмельно и страстно, божество:
В душе светло, жить интересно.

Совет подруги

Не тупи ты, вздыхая натужно,
Дужку лифчика вновь теребя,
Ну чего еще бабе то нужно -
Этот будто точь в точь для тебя.

Образованный, умный, нежадный,
А придумщик - ну что говорить,
Не сказать, чтобы рохля иль бабник,
Не ленись только ласку дарить.

Если будешь кумекать годами,
Рассуди - он ведь не на луне,
Есть с не хуже твоих прелестя'ми -
Те, кто быстро считает в уме.

Химия

Я робею, как мальчонка, пред тобой:
Ты - та самая, я сразу это понял,
И мурашки, щекотливую гурьбой,
Лихо бегают от шеи до ладоней.

Я в тебе родную душу распознал -
Будто химия меж нами приключилась,
Улыбаешься, сражая наповал -
Сердце стылое клокочет с новой силой.

Я давно уже не сплю из-за тебя,
Неприкаянный верчусь в большой кровати,
Но надеюсь, что когда-нибудь, любя,
Мы разделим на двоих свои объятья.

Прячу душу

Прячу душу, как воротом шею,
И работой, и крепким вином,
Я претензий к любви не имею,
Лишь растерян, что всё кверху дном.

Сколько жизни дано увлечений,
И любви, что возрастает из них,
За редчайшим того исключением,
Чувство вряд ли накроет двоих.

Кто-то будет любить - этим счастлив,
Кто, скорее, любить позволять,
Лишь окажется нужным участие,
Все откроется - надо признать.

Во вселенскость любви я не верю,
Рвется цепь низкопробным звеном,
Прячу душу, как воротом шею,
И работой, и крепким вином.

Светлый сон

Вчера мне снился светлый сон:
Ты в платье белом,
Волной мажорной Мендельсон
Звучал умело,
Как никогда, я счастлив был,
Взаимно будто,
Тебя без усталости кружил,
Вмешалось утро.

Смотрел бы век в твои глаза,
Дарил улыбку,
Любви хрустальной паруса
Исчезли в дымке.
Уж лучше б вечность длился сон,
Чем пробужденье,
Где счастлив был, и где влюблен
В свое виденье.

С тобой быть вместе наяву -
Мечта пустая,
Я рад любому randevu,
Моя родная.

Нравишься!

Нравишься! Ну что еще сказать?
Хочешь ты услышать о любви?
Вряд ли я могу тебе солгать
В тающих во тьме цветах зари.

Что ни пересказано о ней -
Дымка горизонта иль мираж.
В песне дух изводит соловей -
Что это - порыв, любовь, кураж?

Вечна если, где она теперь -
Предана, затеряна в годах?
Тысяча одну открывши дверь,
Грезишь лишь одной и навсегда.

Склонности добиться мне твоей
Проще, говоря слова любви.
Станет ли кому из нас светлей? -
Вряд ли, как душою не криви.

Объяснюсь

Лишь во сне могу тебе открыться,
В потаенных мыслях говорю,
Подгоняет время объясниться,
Малодушие в себе корю.

Без сомнений, чувствуешь и знаешь,
Как давно тебя боготворю.
В странную игру со мной играешь:
Рядом я, а ты не замечаешь -
Черствая, подобно сухарю.

Если кто-то третий между нами,
Запросто общаешься с другим.
Я же, очарованный губами,
Блеском глаз, улыбкой, волосами,
Нем как рыба, чувствами томим.

Соберу всю волю и характер,
Прегражу твоим движениям путь,
Расцелую, заключив в объятия,
Будь что будет, сдюжу как-нибудь.

Будильник

Звонит будильник у соседа,
Знать скоро загорланит мой,
Ты рядом, донага раздета,
Лицо опутано косой.

Уже не спится, отключаю,
В дремоту светлую вгляжусь,
Оденусь тихо, выпью чаю,
В киоск за розами спущусь.

Тепло на сердце от чего-то -
Тебя разбудит запах роз,
С улыбкой еду на работу,
И так приятно - аж до слез.

Большая Медведица

Яркими булавками Медведица
Шпилит небосвода полотно,
Личико румянцем алым светится,
Россыпями звезд вдохновлено.

Роднички, Кашира, ночь безлунная,
Вяло кружит омуты Ока,
Тайными магическими рунами
Звезды восхищают свысока.

Трепетная, необыкновенная,
Словно волшебством озарена,
Ты - моя прелестная Вселенная,
Тайна нераскрытая сполна.

Большая девочка

Большая девочка, принцесса,
И нехочуха, и "отстань!" -
Тем паче, больше интереса
К себе привадить эту лань.

Упреков я не замечаю,
Пусть всё взорвет - любой каприз,
Лишь отойдет немного, знаю:
Такая душка - супер-мисс.

Я раскусил её повадки -
Вином и чаем угощу,
Собою обовью в кровати,
Вокруг, в подобие плющу.

Она, вернувшись из астрала,
Прошепчет: "Ты, мой господин!"
"Убийца!" - вымолвлю устало,
Глуша дыхание турбин.

Посмотришь ли

Посмотришь ли ты в сторону мою?
Куда идешь, откуда? - если б знать.
Движенья, замороженный, ловлю,
Как бабуин, не смея и дышать.

Чужая, удаляешься, как жаль,
Не обернулась, на душе комок,
Неотвратимо рушится хрусталь
Тех светлых чувств, что подарить не смог.

Да ну их

- Ты, Пантелей, ослабь поводья,
Мне не резон домой спешить.
Такую шпильку, прежде надо,
В трактире как-нибудь запить.

Останови у той хибарки
И бубенцы с дуги сними.
Пойдем, осушим две-три чарки.
Да ну их, черт их всех дери.

Уж как наклонность оттолкнула,
И хладнодушием сожгла? -
Как-будто в прорубь окунула.
А на фасад - как хороша!

- Ты хоть не падай, барин, духом,
И то в сердцах не восприми,
Оглоблей ездют по ухам,
Потом - попробуй, отдери.

- Так ведь, не сперва с ней общаюсь.
То слишком мягок, то мужик,
То вдруг назойлив, то стесняюсь.
Да чтоб их, черт, без закавык.

Дружок, поедem-ка в поместье,
У нас немало "знатных" баб,
Руки просил, имею честь я,
Теперь домой, гони в нахрап.

Заинька

Зайка, зайнька, заика,
Не стесняйся, не молчи,
От мурлыка или крика
Не сбегу, как не бурчи.

Целый мир я открываю,
Познакомившись с тобой,
Счастлив так: не замечаю
Небольшой огрешек твой.

Крошечный алмаз шлифуя,
Наш Создатель позабыл,
Результат трудов смакуя,
Сдуть бриллиантовую пыль.

Хрупкая моя находка,
Только бы не волновать:
Ножки, волосы, походка;
Речь отладим, может стать.

Зайка, зайнька, заика,
Я тебя боготворю,
И забава, и интрига -
Слышать всякий раз: "Люблю!"

В ЗАГСе - развод

Развод и смерть, вход со двора -
В парадном к Мендельсону вирши,
Смерть в цокольном - здесь тишина,
Развод - куратор-сатана
Свершает этажом повыше.

Желанной метки пары ждут,
Уж в ножны вложены безумства,
Им кажется, что обретут,
Законно расписавшись тут -
"Утилизированы чувства".

Пусть будет так, и дай вам Б-г
Сменить полярность треволнений,
С иными строить диалог,
Развод - развилка, не итог
Ни чистых чувств, ни заблуждений.

Три девушки

Три девушки в платьях просторных
Мочалют белье у пруда,
От икр и коленок проворных
Трепещет в истоме душа.

Резвы и ступни, и ладони:
Полощут, и топчут, и трут,
Закончив работу, лохани
На бедрах красиво несут.

Волнуют манящие формы,
Врожденные норы и прыть,
Как эти виденья тлетворны,
Подростку вовек не забыть.

Любил ли?

Любил ли, или только на потребу
Желаниям мужским тебе внимал,
Лелеял, холил, жаждал, обнимал,
Свободною рукой вода по небу?

И стоит ли будить воспоминанья
Теперь, садясь на взлетной полосе,
О взгляде светлом, о тугой косе,
И холоде июньского прощанья.

Остры и явственны терзаний муки,
По сердцу жалом водит пустота -
Души осколок, канувший в года,
Беспечно отданный в чужие руки.

Я хороню свою любовь

Я хороню свою любовь,
Глухим захлебываюсь виски,
Веду себя по-свински, низко.
И что, коль боль моя без слез?

Нет, никого не упрекаю.
Зачем? Ушедших не браню.
Я хороню, хожу по краю:
Позвольте, счастье помяну.

Не буду век таким угрюмым,
Задирой, наглым и прямым.
Пусть только боль утихнет, с миром
Вернусь я к вам, опять живым.

Глаза в глаза

Твои глаза совсем без дна,
В них тонут мои бесы -
Сомненья, опыт и вина,
Их бесконечна глубина,
И нежностью душа полна,
Прозрачна, без завесы.

Мои глаза темны, как смоль,
В них только отражение -
Твои привязанность и боль,
Откинуть прочь себе позволю,
Как пряди, расставаний соль
И прежние сомненья.

Вот мы опять с тобой одни,
Глаза в глаза, так близко,
И разделяем наши дни
Безумным трепетом крови,
Блестят, как маячки, огни
В безмолвии искристом.

Я с тобой

Земля погрязла в нелюбви и лжи,
Стремится к свету крохотный цветочек.
Будь осторожен ветер, не помни
К гармонии стремящийся росточек.

То солнце жжет, то ливень проливной,
И лепестки по сторонам бросает,
Не бойся, цветик, я теперь с тобой.
Колющий град в ладонях мокрых тает.

Планета

На небосводе чудную планету,
Мне показал приятель-астроном,
С тех пор неймется бедному поэту,
Подбитому незримым гарпуном.

Манит к себе, притягивая формой
И белизной сияющей двух лун,
Подернут дымкой легкой благотворной,
Экватор размечающий, зыбун.

Заброшу все, приобрету путевку
И арендую старый звездолет,
Нет, не хочу, не стану брать страховку,
Лечу уже к звезде своей, вперед.

Ты обиделась

Ты обиделась, мне больно,
Как же я к тебе жесток.
Буду чуток впредь, довольно
Нежный огорчать цветок.

Стану тем, кем ты захочешь,
Только бы не трепет губ.
Признаю, что, между прочим,
Иногда бываю груб.

Пустословить перестану,
Меньше буду доставать.
Если скажешь - тенью стану.
Тень захочешь целовать?

Моя Кармен

Дым костра, стелящийся в степи,
Смолью волосы обласкивают плечи,
"Фру" лошадки, шавка на цепи,
Сладко спят в повозке крытой дети.

Синь рассветная сотрет звезду,
Ребяtnю заботливо укроешь,
По росе босой пойдешь к пруду,
Всю себя прохладой омоешь.

Папа молча разведет огонь,
Деток мама на стряпню разбудит,
Снова в путь, последний перегон,
До темна семья на месте будет.

Много лет один и тот же сон.
Пред рассветом, в сладкой зыбкой неге
Твое сердце бьется в унисон
Удаляющейся прочь телеге.

"Просыпайся, милое дитя!"
Моя смуглая сопит в постели.
Кандидатскую вчера сдала;
Уморилаcь, дышит еле-еле.

Лава, скрытая в утробе скал,
Молодая дремлющая львица,
Драгоценной чистоты кристалл -
Ты, Кармен, души моей царица.

В поле ромашковом

В поле ромашковом в светленьком платье,
Вихрем смешливым паришь босиком,
Вслед за тобой, распахнувши объяття,
Мчусь, обрученный плетенным венком.

Пойман на вздох поцелуем запретным
Ангельских кущ озорной голосок,
Девственной лаской, нежданно согретый,
Сыплет на землю зерно колосок.

Руки вразлет, упоенье во взгляде,
Юный восторг, пряный запах в стогу,
Милое солнышко в легком наряде,
Вкус твоих губ я в душе берегу.

Если б знать

Нет прекраснее тебя на свете,
Дремлющая девочка моя.
Что же держишь от меня в секрете -
Если б знать, что не холодный ветер,
Был бы чуть увереннее я.

Каждый за судьбу свою в ответе,
Хочет век в гармонии прожить:
Чтобы крепкая семья и дети,
Самые счастливые на свете -
Если б знать, что будешь ты любить.

Я в раздумьях, ну а как иначе,
Непривычно начинать с нуля.
Знать бы только, что на сердце значу,
Познакомились едва, тем паче -
Как понять, что я люблю тебя?

Смуглянка

Приляг, смуглянка, на кушетку,
Угомони и прыть и стать,
Расслабься, выключи кокетку,
Я, рядом сев на табуретку,
Начну тихонько колдовать.

Закрой глаза. Руками стану
У головы твоей водить,
Навею шепотом туману,
Врасплох мигрень твою застану,
Доверься, прежде чем бранить.

Не знал, не думал - ты уснула,
Руками больше не вожу.
Окликнул тихо - не очнулась,
Сказал: "Люблю" - не шелохнулась,
Будить немного погожу.

Как же мила без наносного,
Ушла с лица дурная спесь,
В тебе так много неземного,
Изысканного и простого,
Прекрасна вся, какая есть.

Меня отчаянно тянуло
Отведать вкус и щек и губ,
Тебя как током всколыхнуло,
На миг глазищами сверкнула,
Но, впрочем, взгляд твой был не груб.

Белугой не заголосила,
И тишину не взорвала,
Не ухмылялась, не дерзила,
Собравшись с духом, через силу,
Призналась, что давно ждала.

Зову

Зову я именем твоим луга,
Где нет тебя и бабочки порхают,
Здесь красота, и я ее слуга,
И травы, и цветы благоухают.

Я именем твоим зову леса,
Где в тишине пернатых переклички,
Макушечки щекочут небеса,
И замысел есть в песне каждой птички.

Зову я реки, горы, и моря,
Не может безучастным быть пространство.
За искренность меня благодаря,
И эхо отвечает постоянством.

Пусть ты не рядом, именем твоим
Все закоулки мира отзовутся.
Блаженно будет вместе нам двоим,
Когда сердца в объятиях сойдутся.

Егоза

Если я тебе не нужен,
То зачем же портить кровь.
Иль заразен я, контужен,
Убегаешь вновь и вновь.

Отвергаешь поцелуи,
Прячешь искорки-глаза,
То приветишь, то укусишь -
Вот же, право, егоза.

Самому бы мне окститься,
Но, как павою пройдешь,
Ринусь вслед, моя жар-птица,
Проку лишь - в коленях дрожь.

Всё - прощальное свиданье.
Что метаться и страдать?
Узелок непониманья
Надо нынче ж развязать.

Макияж, улыбка, платье...
Очарованный стою,
Распахнув глаза-объятья,
Будто раненный в бою.

Черненькое платье

Черненькое платье,
Красный поясок -
Только междометья
Просятся в висок.
В воздухе витает
Легкий запах роз,
Стрелами пронзает
Колдовство волос.
Кошкою походка,
Птичкою глаза,
Пялиться неловко -
Не глядеть нельзя.
Нотками цепляют
Каблучки асфальт -
Клокотом терзают
Саксофон и альт.
Чудное создание,
Нежный колосок -
Черненькое платье,
Красный поясок.

Провожала

Поезд тронулся с места,
Скрип рессор, ровный стук.
Ни жена, ни невеста,
Просто преданный друг.

На плацкарте в печали
Тихо гаснет вулкан:
Хоть и души кричали,
Не набрать на стоп-кран.

Заворчали колеса,
Выбирая свой путь.
Темных мыслей завеса,
И минут не вернуть.

Взгляд потерян в просторе,
Свежесть ветра в лицо.
Грянут сумерки вскоре,
Ты уже далеко.

Поглощает, как тина,
Утомленный перрон.
Перемелет рутина,
Будто давешний сон.

С неба мушками

С неба мушками пушистый снег,
Ты опять без умолку болтала,
На морщинку глядя между век,
Понял я — ты мне родною стала.

С телевизором вперегонки,
Ты вещаешь мне о чем то важном,
Я пишу восторженно стихи
О тебе; о том, как ты прекрасна.

Может быть обиделась, молчишь,
Не на век заряд у автомата,
Приютившись рядом, сладко спишь,
Ты - мой ангел, мне другой не надо!

По белому

По белому снегу,
По чистому снегу
Косые тропинки -
Смятенья следы.
По чистому сердцу,
Багровому сердцу
Проводишь бороздки
Упрямая ты.

Ах, если бы сердцем
По белому снегу,
Расплавы артерий
Чуть-чуть охладить.
Тогда бы не ныло,
Тогда б не страдало,
И снова по белому
Принялось бить.

Градус

Немного снизим градус отношений,
Не то любовь рискуем потерять.
Разведемся, чтоб тихо, без сомнений,
Существенность обид своих понять.

Когда охватят гнев тебя и ревность,
Не торопись бранить меня навзрыд,
Ведь знаешь, что любовь моя и нежность
Намного больше призрачных обид.

А впрочем, разойдемся по галерам,
В ином быту подумаем о нас,
Оставим с миром спутанные нервы,
Чтоб чувств запал немного поугас.

И, может быть, остыв от треволнений,
Ты вдруг поймешь - нет смысла ревновать;
Не принося каких-то извинений,
Мы кинемся друг друга целовать.

Непостижимый градус отношений...

Дай только шанс

Дай только шанс
Тебя любить,
Уверен в том,
Что ты полюбишь тоже.

Ведь по другому
Просто быть не может,
Коль звезды так
Нечаянно сошлись.

Дай только срок
И ты поймешь,
Что так, как я,
Никто любить не может.

Что это чувство
Есть на свете все же,
Поверишь ты,
В глаза мои всмотришь.

Небесный фонарик

В искрящийся прозрачный зимний вечер,
Когда еще не крепок был мороз,
Тебе на *Воробьях** назначил встречу,
Пакет-сюрприз за пазухой принес.

С ребяческим восторгом расправляли
Конструкцию бумажную вдвоем,
Горелку суетливо поджигали,
Затронув чувства пламенным огнем.

Немного покачавшись между нами,
В морозную фонарь унесся даль,
Воздушными терзаемый волнами,
Исчез, оставив легкую печаль.

На набережной в синем лунном свете,
Промерзший согревая парাপет,
Мы будто пребывали в жарком лете,
В единый превратившись силуэт.

**Воробьи - Воробьевы горы в г. Москве*

Забывать

Забывать. Увы, моей не станешь,
Но как же так - скорблю в сердцах,
В чужой походке вдруг предстанешь,
Случайном взгляде, волосах.

Душа истерзана, стремится
В медвежий угол, глухомань.
Воспоминаний вереница -
О, наваждение, отстань!

Никак себе в том не признаюсь,
Что вместе быть надежды нет,
В своей берлоге просыпаюсь,
Сквозь талый снег не видя свет.

Мазки размашисто наносит
Судьба по старому холсту.
Глаза другие, руки, носик
Наполнят сердца пустоту.

Переезжала ты, переезжала...

Переезжала ты, переезжала
С семьей в какой-то там микрорайон,
И жизнь как будто смысл потеряла,
Тоскливо я высматривал балкон.

В толпе соседей долговязый мальчик
Твой взгляд ловил, пылая кумачом,
Кто плакал, кто добра желал, удачи,
Я сдерживался, будто ни при чем.

В одно мгновенье, на меня взглянула,
И вздернула кокетливо косой.
Казалось мне потом, что подмигнула,
Глаза отвел, взволнованный тобой.

Прошли года, на торжестве у друга,
Улыбку я случайную поймал.
Представил он тебя: "Моя супруга!",
И имя подзабытое назвал.

А ты была по-прежнему прекрасна,
Смятение растревожило меня.
О, боже! Как никчемна и ужасна,
Была моя пустая болтовня.

Переезжала ты, переезжала.
Казалось, не увидимся вовек.
Жизнь веером событий пробежала,
Будь счастлива, мой милый человек!

Разлукой измеряется любовь

Легки, как ветер, близости признания,
Ласкает ухо пылкость нежных слов.
"Люблю! Люблю!"- звучит, как заклинание,
Земное притяжение полов.

Часы в тоске, разлуке, ожидании -
Не этим ли испытывать любовь;
Как вожделенны речи и касания,
Когда сердца соединятся вновь.

А лакмус искушения и скуки
Покажет чувства искреннего цвет.
Что есть любовь, не зная разлуки? -

Тепло костра, углей в котором нет.
Уверенность в себе и в близком друге -
Залог влюбленности на много лет.

Мотыльки

"Метелица" - свет, музыка и танцы,
Здесь вернисаж девичьей красоты.
Прелестны все, но так ничтожны шансы
Ту самую найти, что ищешь ты.

Движения, манеры, формы, лица
Бодрят мужской неискушенный взгляд,
Прекрасен мир, душа уже томится
От вееров волос и эскапад.

Танцуют, как кричат, провинциалки,
Здесь завершают пары променады,
Сканируют мужчин профессионалки,
И кто есть кто не скажешь наугад.

На улице метель, прекрасный вечер,
Любимый город в белых мотыльках,
Я выхожу, судьбы своей не встретив,
И радуюсь снежинкам на щеках.

Апрель

Пастелью прорисую для тебя
По памяти цветущий абрикос,
Снабжу рисунок трелью соловья,
Наушники одев поверх волос.

Себя до иступленья доводя,
Соловушка щебечет о любви,
Достойнейшую сцену обретя,
Без устали поет он до зари.

Рисованная магия цветков,
Весенняя божественная трель,
Невыдуманый мир цветных мелков,
Любимая - благословен апрель!

Большая луна

Силуэт двух влюбленных в сиянии лунном у моря:
Ускользнув от погони, рабы предаются любви;
Убаюкали их незаметно и шепот прибоя
И объятия, не разжимавшиеся до зари.

Шум цикадок ночных прерывается, утро настало,
Надо двигаться дальше двум беглым влюбленным рабам,
Но беспечно они задремали, друг друга лаская,
И сапог разбудил их, пронесшийся по головам.

Не удался побег, розги сделали черное дело:
За тот вечер любви беглецы заплатили сполна.
Пусть попытка бежать и закончилась так неумело,
Не забудется пляж, вкус объятий, большая луна.

Павлин и кукушка

У знатного, но скромного султана
Павлин в вольере тесном проживал,
Узрев перо хозяйского тюбана,
Он живо оперенье распускал.

Был горд султан своею чудо-птицей,
Из рук кормил, орешком баловал,
Шербетом услаждал ему водицу,
В краях чужих немного тосковал.

Забросило в вольер одну кукушку.
Увидев та красавца-петуха,
Нахваливала в маленькое ушко
Теней игру и яркие цвета.

И тот в любовном вихре закружился
От сладостных кукушкиных речей,
Поддавшись настроению, женился,
Глаза закрыв на кучу мелочей.

Три дня прошло. Кукушка, между делом,
Павлину не наскучила едва:
О доме, о соседях перепела,
Султану тоже выпали слова.

И тесен стал ему квадрат вольера,
Кукушка о любви уж не поет,
"Куку" своим совсем не знает меры,
По горло сыт павлин от этих нот.

Постигнув всё супружницы двуличие,
По темечку ей клювом настучал,
Бакланил баритоном неприлично,
Никто с тех пор кукушки не встречал.

Морали к басне говорить не стану,
Совет эстету птичьему - султану:
"Покуда сильно любишь петуха,
То нет на свете большего греха –

Не подселить к нему в подруги паву:
Лишь развернет красивее оправу,
И не впадет в уныние невроза,
Чего же проще - вот такая проза!"

Останься до утра

Останься до утра, не уходи,
Мне так уже несносны эти стены,
И ревность болью отдает в груди,
Нет не ему, а мне твои измены.

Представлю, возвращаешься домой,
И обнаженная к нему ложишься;
Лицо твое в истоме предо мной,
Веретенном без удержу кружится.

Сегодня обещаешь рассказать
О нашей связи своему супругу.
Ах, если б мог я сам все развязать,
Не допустить постылую разлуку.

В отчаянном смятенье жду звонка.
Проходит вечер, от тебя ни звука.
Как грань терпенья моего тонка,
Сейчас, возможно, говоришь с супругом.

Вторые сутки, полночь, я звоню.
Подняв не сразу, тихо отвечаешь:
"Прости, я мужа своего люблю,
Не быть нам вместе, и суди как знаешь".

Зимний вечер

Свет от фонаря,
Искристый на земле снежок,
Я о красоте одной снежинки говорю,
Лучиком пронзающей
Реснички гребешок -
Дарит зимний вечер чудо-радугу свою.

Прямо у подъезда
На мгновенье удержу,
Руки расцелую и к груди своей прижму,
Щеки разогреет
Нежный шепот пылких слов -
Это волшебство и называется любовь.

Зимний вечер синевою
Смотрит к нам в окно,
Две души в объятьях лета, в телеке кино,
Шанс любить и быть любимым
Каждому дал Бог,
Был бы век с тобою рядом, если б только мог.

Сердце

Ах, почему ты сердце рвешься,
Куда торопишься, скажи,
То вдруг отчаянно забьешься,
То сникнешь лоскутком в груди.

Уймут ли милые объятья
Твою безудержную суть,
Молю умерить восприятие,
Позволь чуточек отдохнуть.

Прости. Прощай

Поздний ужин. Мой ответ: "Есть другая, признаю. Прежних чувств меж нами нет, я с тобою расстаюсь". Злой бездушный идиот. Взгляда гнет, тоски печать, и решимость не дает успокоить и обнять.

Утро, завтрак на столе, ты молчишь, часы бренчат, в темных мыслей кабале шепотом сердца кричат. "Уходи, коль невтерпеж, все равно не удержу, в новогодний вечер все ж быть со мною попрошу. Наш последний Новый год, сын придет его встречать, пусть немного отдохнет, не хочу его смущать".

Встретили, как и всегда, Новый год родные души, сын ушел, ты не могла обещания нарушить. "Ну, прости". Закрылась дверь. Мерзко. Ей-то каково? Невозможно без потерь новой жизни торжество.

Страсть, эмоций ураган, спальня, запахи, признания, и проснувшийся вулкан, и забытые стенанья. Но не в радость карнавал, взгляд застыл и смотрит мимо. Все не так, затосковал, ты присутствуешь незримо. Жжет пощечина лицо, крик расстроенной подруги. Ах, каким же был слепцом, не хватает мне супруги.

Прилетел, цветов букет, дом, подъезд, неяркий свет, сын дрожит во тьму одет: "Здравствуй, папа! Мамы нет... телефон не поднимала... на кушетке у окна..."

Врач лишь участковый знала, как она была больна.

Ущелья

Холод планет

Когда мы уйдем, мир останется прежним,
Всё те же заботы, и те же надежды,
Всё та же гроза, и всё тот же рассвет,
Вот только для нас всего этого нет:
Мамаша коляску везущая в парке;
Ребенок, поднявший ладошку, за партой;
Влюбленный с признанием дарит букет
И брызги девичьего счастья в ответ;
Торжественность празднеств, обыденность будней,
И свехосторожность, и риск безрассудный;
Тревоги и радости, слёзы и смех;
В единой судьбе добродетель и грех.
Само бытие и мудрее, и глубже,
Свой век проживать осмотрительно нужно,
Никто не получит счастливый билет,
И жребий един - только холод планет.

Старец

До дна исчерпан, на спине лежу,
Холодный грунт пронзает прямо в душу,
На небо, как подвздошием гляжу,
Бьют ярко молнии, но я не трушу.

Нет, то не время страшного суда,
Обычный день, и будто все в порядке,
Нахлынула откуда-то нужда,
Смотреть на небо, лёжа на площадке.

Почтенный старец, будто бы из врат,
В разрывах туч внезапно появился,
И в сторону мою насупив взгляд,
Загромыхав, сурово обратился:

«Разлегся что, какой с тобой недуг,
Что за беда с тобой, что за кручина:
С работой плохо, предал близкий друг? -
Валяться в прахе это не причина.

Не толстосум, и что ж - не твой удел,
Потомки есть, родители в порядке -
Да ты, счастливчик, просто обалдел,
Как кабачок, без бед лежишь на грядке.

Сейчас же встань, причин унынья нет,
Славь Божьи милость, мудрость и терпенье,
И жизнь цени, дано немало лет
Тебе еще моим благоволеньем».

Рвет резкой болью уши тишина,
И нестерпимо ноет поясница,
Нет старца в небе. Полная луна
Сквозь темень туч пытается пробиться.

Сухостой

На шоссе, ведущему домой,
Утомленный, вышел из машины:
Снег, накрывший жухлый сухостой,
Холодком мне увлажнил морщины.

Безмятежность, будто бы в раю,
Сзади шум бетонной автострады,
В поле, как пред Господом стою,
Меж мирами никакой преграды.

Побродил, сменяя сухостой,
Крепнувший морозец только в радость,
В этом храме, созданном Тобой,
Разобрался, как мне жить не надо.

Напитавшись светлой тишиной,
Удивился, сам себя услышав.
Устали сраженный пеленой,
Не случайно из машины вышел.

Не хочешь знать порока...

Не хочешь знать порока - не люби,
И в дружбе до конца не доверяй,
Но если предан дружбе - дорожи,
А искренне влюблен - не потеряй.

Пусть чувства светом наполняют жизнь,
Без дружбы - плохо, без любви - никак,
Их искренность непросто сохранить,
Прозрев однажды и попав впросак.

Мне приснилось

Мне приснилось, что ты больна,
В крик признание — неизлечимо,
Худоба, макияж вроде грима,
Стержни глаз и волос желтизна.

Как же больно смотреть в глаза,
И слова подобрать, чтоб утешить,
Не любил - ты же знаешь, грешен,
Но мучительно тщила слеза.

Взять осмелился трубочки рук,
Долго тискал, в своих согревая,
Страстный лепет любви вспоминая,
Наши вёсны и краски вокруг.

На прощанье, осёкшись в лоб,
Поцелуй в пересохшие губы...
Пробудился в испарине крупной -
Сон мой страшный прервал озноб.

Охота

Позвал приятель как-то на охоту:
А впрочем, почему бы не пойти?
Закончив раньше в пятницу работу,
Я вечер и полночи был в пути.

Передохнув часок-другой с дороги,
Под утро разместились у тропы,
И, с ощущением суетным тревоги,
Ждем свинок под покровом темноты.

В сугробе замер мой напарник строгий,
Внимание - сигнал подал рукой,
И, словно вслед бегущие бульдоги,
Кабанчики промчались чередой.

Дуплетом выстрел прогремел картечью,
И я оторопело жму курок.
Окрасив снег, подранок, изувечен,
Копытцами забил у самых ног.

Повторный выстрел, бедная скотина,
Визжа, мне накидала кровь в лицо.
По крестовину нож, зайдя за спину,
Напарник ей вонзил заподлицо.

Я не заметил, чем порвало ногу,
Бинтом стянул и, сдав боезапас,
Нашел в тумане утреннем дорогу,
Упал в авто и надавил на газ.

С охотой явно вышла незадача,
Мне варварство подобное претит:
Я не охочусь, даже не рыбачу,
Жалею - что случилось пережить.

Седьмое небо

Душа испугана, как птица,
Фонариком незримым ввысь,
Туда - за облака стремится,
Свершив очередную жизнь.

Высвобождаемые души,
Оставив прах, отринут суть;
Тревогу не приемлют кущи,
И жизнь обратно не вернуть.

Их примет дом - "седьмое небо",
Свободных сущностей ковчег:
Сюда отживших тянет слепо
На нерестилище судеб.

Искрят заряды в ярких сферах,
Кристаллизующие всех:
И ангелов, и изуверов
Очистят от земных огрех.

Мир обращающейся жизни:
Сформировавшись, эмбрион,
Закинет в "небо" нити-брызги -
Притянет сущности неон.

И вот явился человечек,
Невинный блеск и чистота.
Уверен он, что будет вечен,
И в этом правды простота.

Дух

Он видел всё -
Прощанье у могилы,
Как легкий дождик
Серебрил зонты,
И всхлипы,
Когда в землю опустили,
И комья падали
До глухоты.

Он видел всё -
Как люди разъезжались
В мирские будни,
Выполнив свой долг,
Все на его поминки
Приглашались,
Прийти мог каждый,
Но не каждый смог.

Он видел всё -
Покинутый свой холмик,
Земля, цветы
Оплаканы дождем,
И брошен
Бесконечно одиноким,
Летел туда,
Где помянут о нем.

Он видел всё -
Иные на могилах
Сидели безучастны,
Как во мгле,
Покинуть тело навсегда
Не в силах -
Так прикипели
К жизни на земле.

Он видел всё -
Молитвы и застолье,
Печальные
Елейные тосты,
Случайный смех,
Улыбки поневоле.
Ему казалось:
"А не лишний, ты..."

Дух видел всё -
Метался очень долго,
Но уходя,
Престало уходить,
Быть призраком невидимым -
Что толку;
Прожитое
Что толку беречь.

Листочки, облака

Пришли-ушли, так быстро
Проходит век людской,
И облака так низко
Ложатся над землей.

Дрожащие листочки
Лохмотьями с дерев
Падут поодиночке,
Ко сроку отмерев.

Поэзия печали -
Листочки, облака
Унывно обличают
Движение в века.

Жребий

Неважно сплю последние сто лет,
С тех самых пор дарована мне вечность,
Родня ушла, и вслед за ней беспечность,
Но я живу, извечно дряхлый дед.

Таким же смертным был я, как и все,
И жизнь неслась каскадом благолепий,
Когда достался мне коварный жребий,
Им обладать, казалось бы, успех.

В толпе окликнут ветхим старичком,
Мне передал он дар, схватив за руку:
Терпеть не в силах, молвил, эту скуку,
И после рухнул замертво ничком.

Жизнь без конца наскучила с лихвой,
И пустоту собою породила,
Готов расстаться с дарственной постылой,
Теперь и я, согбенный, но живой.

Чтоб от тоски не дырку у виска,
Пора уйти. Вот алчная соседка:
Уже сама худющая, как ветка,
К моей квартирке тянется рука.

Возьми за так, не знавшую гостей,
Мою обитель, милая сиделка.
Согласна ли? Закрыта будет сделка.
Ах, да! Бессмертие в придачу к ней.

Заначка

Сетуя на память, трепещу -
Не найду заразу, вот задачка:
В полудреме утренней ищу,
Где же мной упрятана заначка?

Просыпаюсь в муках - к черту сон:
Все что нажито - за раз пропало,
Сердце бьется, как в армагеддон,
С памятью моею что-то стало.

Зайчик света пробудил совсем:
У меня заначка? — что за бредни.
Истина: нет денег - нет проблем,
Прятал то я их во сне намедни.

Огонек

В преддверии Нового Года
Предчувствие гложет тоски -
Еще одна вежа уходит,
Добавив снегов на виски.

Дежурная речь Президента,
Шампанского выдох в кулак,
Как прежде, восторг от момента -
Как прежде, но все же не так.

В ночи растворяются дети,
Не то, чтобы им невдомёк,
И бликами стены осветит
В застывшей тиши "Огонек".

Весна, скамейка, серое пальто

Весна, скамейка, серое пальто,
Луч солнца бледное лицо тревожит.
Хоть ярок свет, тепло еще не то;
Не распахнуться, бьет мороз по коже.

Старик согбенный, сидя на краю,
Краюху голубям неспешно крошит.
Весну так ждавшую, жену свою
Уже как месяц отпустить не может.

Сейчас он встанет и пойдет домой,
Все, как всегда, по замкнутому кругу.
Закроет дверь дрожащею рукой,
Покорным эхом позовет супругу.

По редким лужам чапает авто,
Багрец закатный яркостью тревожит.
Весна, скамейка, серое пальто,
Ушел к любимой, бьет мороз по коже.

Беда

Она была, как никогда, счастливой -
Прекрасная семья, уютный дом,
Как вдруг какой-то рок нетерпеливо,
Внезапно обернул все кверху дном.

Надежды нет, по дому сумрак бродит,
И с тенью обреченности лицо,
Осунулся, вмиг постаревший вроде,
Кто мужем был беспечным и отцом.

Незримо путами на сердце тяжесть,
Отступит только чуть, но не пройдет,
Хоть кинешься бежать куда, приляжешь -
Беде, видать, по нраву этот гнет.

Кто мы, вообще, и что есть человечность,
Кричать в какую высь, о чем молить,
Не уж то так мешала их беспечность,
Чтоб миру равновесье сохранить?

Печень

Эх, же, печень, моя печень -
Помереть не дай зазря.
Отпусти, будь человечней,
Скука - жизнь без стопаря.

Сорок капель? - нет, спасибо:
Посчитал и влил во грудь.
Нам по капле *импосибле**,
Если стоим что-нибудь.

Что ж так ноешь, привереда,
И тебе дам порулить:
С понедельника по среду,
Вот те крест, не буду пить.

Поживем еще, родная:
В теле общем, как никак.
Знаю, ходим мы по краю:
Выпивоха! — не дурак.

**импосбле (impossible) – невозможно, англ.*

Оригами

Потерянный, брожу по перелеску,
Глаза свербит осенняя палитра,
В раздумьях потягиваю виски,
Из купленных по случаю пол-литра.

Отбрасывают, словно оригами,
Деревья выцветающие листья,
Спокойные летят меж облаками,
И вслед за ними поднимаюсь ввысь я.

В улыбке расплывается щербатой
Парнишечка в светящемся жилете:
"Вам плохо, гражданин?" Встаю с досадой,
Что очутился вновь на этом свете.

"Наверно, собирает оригами", -
Подумал я и прочь заторопился.
Домой бреду широкими шагами,
Виски трезвонят - надо ж так напился.

Ночная сигарета

Проснулся в полной темноте,
Задолго до рассвета,
Площадка, небеса в фате,
Ночная сигарета.

За окнами усталый двор,
Колышутся березки,
Мигает желтым светофор
В тоске на перекрестке.

Как непривычно - город спит,
Чтоб все начать сначала,
«Иди и ты поспи, пиит» -
Бреду к постели вяло.

Самолет надежды

Любви полет и море страсти,
Взлетел надежды самолет,
Все пассажиры ищут счастья,
Годами вымучили взлет.

Конец безволю и сомненьям,
Все брошено, в далекий путь,
Свободу чувству опьяненья,
Вперед, в синь неба, как-нибудь.

Придирки, нерешимость, споры:
Окостенению - приговор!
Пусть на пути крутые горы,
Надежда выше всяких гор.

Ноябрьский ветер

Вот и он - сырой ноябрьский ветер,
Пробирает, сердится изрядно,
Всё в округе, будто на мольберте,
Темно-серым мажет безоглядно.

Зло срывая, замечает листья,
В жуткой пляске нервно хороводит:
Застоялась золотая гостья;
Ну, довольно, пусть теперь уходит.

С возмущеньем брызгает слюною:
Стоило немного задержаться,
Всю палитру залила собою.
Как увядшим можно восторгаться?

Отдохнуть присел он на опушке,
Поиссяк от буйного набега,
Обнаженные глядят верхушки,
Как с небес спадают перья снега.

Мосток

Гляжу я на застывший поплавок -
Не тонет и не кружит в хороводе,
Мосток, река, пластмассы бугорок -
Отдушина, жена когда на взводе.

Окончен трудовой и прочий путь,
Супруга вводит в ступор болтовнёю,
Но в том ее не смею попрекнуть,
Не просто жить с угрюмостью моею.

Нет в жизни изменений, хоть умри,
Зубов почти не чищу, и не бреюсь,
Урывками общаемся с детьми -
С работой недосуг им, я надеюсь.

Гляжу я на застывший поплавок,
Все меньше размышленьями питаюсь.
Крадется точка - близится мой срок,
А кажется, всего лишь запятая.

Болезнь уйди

Выкашивает, как чума,
Внезапно вваливаясь в двери,
Кровавая, в глазницах тьма,
И в несудьбу глумливо верит.

Безжалостна, изощрена -
Как от её спастись отравы:
И воля крепкая нужна,
И луч, и скальпель, и составы.

Себя мы не дадим убить:
Болезнь уйди, тверды мы духом,
Сумеем тело излечить,
Еще нужны мы будем внукам.

Как хищница на разворот,
Во все заглядывая лица,
Все жрет людскую плоть и жрет,
Лишь чтоб триумфом насладится.

Мы молимся, пусть ниспошлет
Госп-дь лекарство от напасти,
Над каждым не висел бы гнет,
Всю жизнь бы был здоров и счастлив.

Зрелый лист

В стороны бросает от стволов
Кроны, будто легкие кольчуги,
Ураган, и тысячи листков
От порывов шелестят в испуге.

Пальчик отжимая, черешок,
В собственном измотанный смятенье,
Зрелый лист, отшелестевший срок,
Переводит дух в изнеможении.

Нет, не будут вечно трепетать
Кроны шевелюрами, уймутся,
Освежится, поредеет рать,
Зрелые ко сроку вознесутся.

Чистилище

Прямоугольник водной глади,
В неубранном пшеничном поле,
Счищают души здесь в прохладе
Тлен неизбежности на воле.

Молчит потерянная стая:
Чистилище - дорога к раю,
Так птицы к водам ниспадая,
Крыла от праха омывают.

Взовьются искры вереницей,
Очистившихся до неона,
Исчезнут в поле над пшеницей,
Покинув воды пантеона.

Сколько осеней

Сколько осеней - тихих прощаний,
Доведется еще ощущать;
Сколько трепетных переживаний,
Чувств, эмоций и мысли скитаний
Даст изведать поры благодать?

Сколько осеней, грустных плакучих,
Непритворностью будут томить;
Увяданием, трепетом жгучим,
Пред порою морозов трескучих,
Расставаться на год, как на миг?

Сколько осеней в окон разводах
И палитре листвы под дождем,
В зябких сумерек серых красотах,
Под плащом в ниспадающих водах,
Сколько осеней будет еще?

Не будут

Не будут рядом наши камни,
С другим живешь ты - я с другой.
Пушай нас дети будут помнить
Не врозь, молясь за упокой.
И пусть в мгновения печали
Им помнится семейный круг,
Как торжества мы отмечали,
Семьи естественный уют.
Расходятся, увы, дороги,
Но распрощаться не дано,
Затем, что общие тревоги
Нас сводят вместе все равно.

Свой жребий

Страшитесь безответственных желаний,
Рок стоимость их будет примечать,
Не ведая души переживаний,
Поставит Вам иной судьбы печать.

Исполнится, чего напозелали:
Успешности, достатка и любви,
Но сладко все окажется вначале -
Назад бы отмотать, кабы могли.

Как правило, бесплатных нет подарков -
Со временем придется заплатить;
В поту, слезах и кровью все захаркав,
Захочется своей судьбою жить.

Страшитесь безответственных желаний,
Ведь каждому свой жребий испытаний.

Проклятья

Пусты проклятья сытых и здоровых,
И пожеланий их цена низка,
Остерегайся взглядов, слов суровых
Вслед от калеки или старика,
Людей в болезни рано уходящих,
Чей в горестях и муках жизни путь;
И ненависти избегай звенящей,
И лютой зависти какой-нибудь.

Свет жизни пусть не омрачат проклятья,
Будь деликатен с каждым из людей,
Кто чашу горькую испил несчастья,
Судьбе способен навредить твоей.

Умиротворение

Так восхитительно, что хочется простить
Тех, кто роптал и проклинал сквозь зубы,
И в душу лез бесцеремонно грубо,
Прощаю я, не стоит и просить.

Покуда жив, Г-дь благослови!
Так хочется мне всеми быть прощенным,
И наслаждаться неотягощенным
Дарами жизни, радостью любви;
Отринуться от жизни точно в коме,
Прийти к себе, не пепеля мосты;
Прислушиваясь, постигать - кто ты,
Себя с собою наново знакомя.

Ветру

Ты что кружишь между домами, ветер,
Разносишь сор и теребишь белье?
Неужто, вольному, заняться нечем,
Меж редких крон обхаживать жильё.

Ребенок солнца, выйди на просторы,
Вширь разгуляйся, шашки наголо.
А город что? - Запоры да заборы,
Ты в нем лишь заурядное трепло.

Зачем тебе бетонные препоны? -
Каким бы ни был, все равно чужой.
Твоя стезя дуть в паруса, гнать волны,
Дарить природе жизнь и быть собой.

Выхожу из тела

Послушайте, прошу вас, господа,
Повествование моё, меж делом:
Однажды, после тяжкого труда
Я научился выходить из тела.

С тех пор, когда в исходе есть резон,
Непринужденно, без вреда здоровью,
Способен улететь хоть на Гудзон,
Цепляясь нитью тонкой к изголовью.

Не хочется ни слышать, ни дышать? -
Плохой оратор, запах - жарят черти;
Покинул тело - ну, а что страдать,
Передохнул от этой круговерти.

А если беспокоит лишний вес,
То неизбежного страхась удела,
В мгновение из застолья исчез,
Оставив там пресыщенное тело.

Работа монотонна и скучна,
Что ж, мозг приучен технике движений;
Поэзией душа увлечена -
Витаешь в сферах чувственных брожений.

Когда-нибудь и тот настанет час,
Что тело бренное отторгнет душу:
Обратно не вернусь в который раз,
И заведенных правил не нарушу.

Признаюсь вам - всё это ерунда,
И извиняюсь, коль отвлек от дела;
Но как чудесно было б иногда
Хоть ненадолго выходить из тела.

Досада

Ливану на печень грусти
Пятилетним коньячком,
Может быть тогда отпустит,
Если двести, и рывком.

Притуплю в себе досаду,
Зубоскаля от души,
Затянусь до перехвату
Так, что крупкой миражи.

Глаз защиплет от угару,
Жизнь целуется сквозь дым,
Растанцуюсь под "Шизгару"
С раззадором молодым.

Ночь, такси, подъезд, квартира,
Вдрызг досада изжита.
Человек - хозяин мира:
Завтра - с нового листа.

Грузинский ресторан

Эх, Грузия, тобою здесь дышу:
Столы массивные, конические *квеври**,
И полусвет склоняет к кутежу,
И Пиросмани, что висит над дверью.

Росток лозы свисает над плечом,
Взвивая ус и словно балагурия.
"Подайте, уважаемый, харчо,
Хинкали, хванчкару и хачапури".

**Квеври - керамический сосуд*

Пансион

Оставив в кровати больного отца,
Заверили - будут являться.
Исполнили долг, громкий выдох с крыльца,
И час не сдержавшись остаться.

Детей уверяя - не стоит частить,
Всё есть - что поесть, свежий воздух,
Пошутит, что в гости к кому есть ходить,
И с кем пообщаться о звездах.

Обратный отчет где-то пущен уже,
Должно быть по выкладкам - хватит,
Теперь только ждать, как свернут неглиже
С простынки в его же кровати.

Не выдержал раз, пообмякнув отец:
Просил, чтоб забрали отсюда.
У близких в глазах лишь холодное — нет,
С тех пор и не ждет в жизни чуда.

Твой день

Твой день рождения сегодня,
Хожу, как тень, душа безвольна,
Грудь точит памяти червяк,
То сердце подает мне знак -
Что есть оно, ему все больно,
Не успокоится никак.

Очередной твой день рожденья,
Как год назад, купив с волненьем
Букет тобой любимых роз,
Иду общаться на погост.
К несчастью, вновь без приглашенья:
Я здесь единственный твой гость.

Ушла

Ушла, старушка. Бросила меня.
И, что осталось? - Только вслед уйти.
Жалеют все - пустая болтовня,
И я жалею сам себя, прости.

Дымком стрельнут, погаснув, фитили,
Еще не кончится поминок час,
Как тихо годы наши подошли -
Нежданно будто, кажется, для нас.

Мне в сумерках не показался смех:
Ты не ушла, что ж я тогда в слезах.
Присевши рядышком, живее всех,
Сквозь пелену предстала на глазах.

Брак

Мать в тюрьме, отец в могиле, дети побирушки.
Крики, ругань, кровь в квартире, шепчутся старушки.
Плач, стенанья, ужас детский, ор в надрыв гортани,
Брызжут ненавистью губы в буйном урагане.
Кабаки, чужие руки, пустота, неверность,
Флирт, знакомые, подруги, яростная ревность.
Дети, быт, усталость, ссоры, муки, недоверье,
Скука, ложь, раздумья, споры, первые сомненья.
Счастье, свет, луна и звезды, долгие объятья,
Радость встреч, в любви признание, свадебное платье.

*(и еще раз построчно в
обратной последовательности)*

Осенний марафон - 4G

К концу уже иль все еще на пике
Горение душевного костра.
Вперед гляжу - закатных красок блики:
Не хочется, но вроде как пора.

Ни Пушкином не стать, ни Казановой,
Рокфеллером подавно не успеть.
Поддам углей, разворошу их снова:
Лишь теплятся, а надо бы гореть.

Пытаюсь удержаться в круге страсти -
Осенний марафон - 4G,
Терзаю душу грешную на части,
Тверды пока бывлые рубежи.

Уходишь

Приговор - четвертая стадия,
Ничего нельзя изменить.
Можно только, что еще дадено,
Как-то, в общем, достойно прожить.

Беспросветно накрыло уныние
Темной шалью семейный ковчег,
По маршрутам шагаешь рутинным
Навещая друзей и коллег.

Защищая семью от тревоги,
Покидаешь любимый свой дом;
В настоянии в хоспис убогий
Из больничных палат проведен.

Воспаленными глядя глазами,
Ты вопросом сверлишь потолок.
Канут жизни минуты часами,
Истекает отпущенный срок.

Меж уколами томик Шекспира
Ты привычно берешь полистать,
Входишь Гамлетом в сон или Лиром
И уходишь навечно с миром
В мир-ничто или в мир-благодать.

Спросонок

Спросонок подлетаю на диване,
Не то укушен был, не то убит,
Меж сном и явью, в дымке и дурмане,
Глаза от страха лезут из орбит.

Клокочет сердце, сонный взгляд потерян,
Готов сразиться - где мои враги?
Угадываю образ на портьере -
Джоконды вроде б, или баб Яги.

Вот некто пролетает от Шагала,
С угла глядит автопортрет Дали,
В себя вжимаюсь от страстей накала,
Не хочется, чтоб черти загребли.

Рассеивается вуаль обмана,
Родные стены поглотили жуть,
Я сам уже смыкаю глазки рьяно -
Назад хочу иллюзии вернуть.

В вихре гендерном

В вихре гендерном витает мир -
Мир людей, животных и растений.
Кружится вселенский кашемир
Гармоничный в хаосе движений.

Облако невидимых страстей
В невообразимом переплете.
Мир лесов, полей и площадей
В беззастенчивом круговороте.

Весенние ручьи

Текут ручьи почти бесшумно,
И через лужицы прыжки
Колышут юбочки безумно,
Бодря девичьи каблучки.

Опять зацокали бульвары,
И вернисаж открыт волос,
Пора любви, сплетенья в пары
И поцелуйчиков взасос.

Нескромных ожиданий время,
Пусть даже ты не одинок,
Ласкает луч нагое темя,
Еще один отпущен срок.

Весна

Весна, проснулась почва, тает лед,
Несутся струечками ручейки,
Как сверстники мои из школьных лет
Гурьбою шумной наперегонки.

Хочу, холодным будням вопреки,
С весною слиться, с головою ринуть
В снимающие шубки стебельки,
С травы упрямой талый снег раздвинуть.

Растопит солнца луч и лед во мне,
И канет то, что представлялось важным,
В приятели я навяжусь к весне,
Пойду по лужам чапать бесшабашно.

Собачья верность

Поникшая отчаянная морда,
Потухший взгляд, тоскливые глаза,
Настолько в ожидании упертый,
Что нет сомнений в искренности пса.

В лохмотьях весь, не ест, теряет силы,
Глаз не смыкая, верит пес и ждет:
Хозяин, может даже из могилы,
К нему вернется и к груди прижмет.

А мы, венцы природы, пса пригрея,
Вмиг отношение можем изменить:
Поклясться в вечной верности умея,
Не можем верность эту сохранить.

Подарим, продадим, чуть охладя,
Предательство собаке невдомек,
Иль усыпим, в глаза смотреть не смея -
Собачья верность нам немой упрек.

Питомец

Осознанность ищу в твоих глазах,
Её обрывки, искру, подоплёку:
Сомнения, обиду, радость, страх -
Все то, что свойственно и человеку.

И также, в суете, печётся мать,
Когда ты в руки угодишь чужие:
Мольба в глазах, стенаний не унять,
Пока сочтёт, что помыслы не злые.

Ты любишь поиграть и погулять:
Фонтан ребячества невероятный,
Не в силах ликования унять,
Когда поступок совершишь примерный.

В смирении ты смотришь на меня,
Следишь за мимикой, словами, жестом:
Как будто изучаешь - кто же я,
И чем не занят был - все интересно.

Я тоже за тобой порой гляжу:
Когда скучаешь или же ревнуешь,
Когда не в настроении хожу -
Не пристаешь, ты это просто чуешь.

Ты главный мой с природой диалог:
Любви, привязанности и заботы -
Всегда найдется в сердце уголок,
Чтоб уберечь тебя от непогоды.

Холодный дождь

Нагрязнул гром и небо потемнело,
Внезапный шквал холодного дождя,
Разряды молний блещут, то и дело,
По сторонам зигзагами разя.

По мостовой дождь мечется волнами,
Зеркальным блеском напоил асфальт,
Стекая с крыш, играет желобами,
В полет валькирий превращая гвалт.

Проходит все, и небо просветлеет,
Дождь унесет все то, что не вернуть,
И свежий воздух все вокруг овеет,
Прибавив сил продолжить жизни путь.

Вкус яблока

Кислинка яблока зеленого во рту
Оскоминой кольнула под язык.
Глядя в надкушенную эту красоту,
Зажмуришь глаз ты, если не привык.

Благоуханным ароматом восхитит,
Не выразить восторга на словах.
Блаженно, чувственно и сочно захрустит
Плод искушенья на твоих зубах.

Прекрасным вкусом пробуждает аппетит,
Прохладою окутывает нёбо.
Кусочка яблока себе не запретит
Любой гурман, как искушен он не был.

Синим воротничкам

Хватит
щупать
любезностей студень,
Просто так
отпуская слова.
У руля
монотонности буден
Твои руки,
талант,
голова.

Профиль гордо держи,
комфортно.
Не елозь
под ногами господ.
Делай все,
как душе угодно.
Ты и есть
настоящий народ.

Убаюканный
легкой работой,
Белошвей
не поймет никогда:
Создается
толковое что-то
Лишь руками
людей
труда.

Тычет пальцем
сословье нахальное.
Прямотою своей
гордись.
Наш ответ -
лицо зубоскальное,
Во все зубы
ему
улыбнись.

Кривизну
признаю
лишь лекальную:
Экивок всяких
я не люблю.
Кренделя
вензелями кабальными
Честный путь
прикрывают
рублю.

Кто там ложечкой
кормит
уныние?
Не нажрется обрюзгшая пасть.
В стяг составим
мы ворота синие,
Отобьем
у манжетовых
власть.

Играю

Играю. Я люблю играть.
В пылу азарта, ставки делать,
Фортуны домогаться смело:
И в пас идти, и поднимать.

Играю. Я люблю играть.
Не передать момента счастья,
Как куш сорвавши, в одночасье
Все чешется пересчитать.

Играю. Я люблю играть.
По краю бабочкой порхаю,
Клянусь, что скоро отыграюсь;
Счет в минусе, не стану врать.

Играю. Я люблю играть.
Жена почти уже не злится,
Вот отыграюсь, удивится,
Как можно жить, не горевать.

Играю. Я люблю играть.
Уснувших деток в лоб целую,
Одену вас я и обую,
И будем каждый день гулять.

Играю. Я люблю играть.
Играю, что еще мне делать?
Ну вот и маме поплохело -
К чему меня так донимать.

Играю. Я люблю играть.
Играю, вам какое дело?
Все пият, пият, надоело.
А впрочем, мне на все плевать.

Белый зверь

Контуры торосов проступают
В предрассветной темно-синей мгле,
Зверь проснулся, рыком предваряя
Целый день скитаний по земле.

Взглядом водит он по горизонту,
Злобным рёвом оглашая даль.
Прочь уводит новый день дремоту,
Растворяя синюю вуаль.

Встал на лапы, грозно озираясь,
Воздух рвет дыханием тугим.
Ветер леденящий презирая,
Зверь идет инстинктами гоним.

Арктика

Тушенка, хлеб и самогонка, пустой мужицкий разговор,
стоит под флюгером избенка, на окнах выкован узор.
Специалист-метеоролог, свершив замер очередной, вдвоем с
коллегой в минус сорок тоску жгут огненной водой.

Метель снега перезастелит, на сотни верст нет ни души.
Как там жена, и в чьей постели, и как там в школе малыши?
Жизнь все короче с каждой вахтой, скучнее, чем среди рос и
трав: сегодня та же, что и завтра, и проклят всяк, сюда попав.
Луна, чуть выше горизонта сменяет солнце, как сатир, из
развлечений лишь работа, печать зачитана до дыр.

Назад, в суровые пространства, давали клятву:
"Никогда!", но вот к концу чужая вахта, и путь опять лежит
сюда. Тушенка, хлеб и самогонка, пустой мужицкий
разговор, стоит под флюгером избенка, на окнах выкован
узор.

Пятница

Пятница, неделя - ад, наконец иду с работы. Первый выпал снегопад, предвеляя ночь субботы. Приморозило слегка, и одет не по сезону: мерзнут ноги от носка, побыстрее дойти б до дому.

Боль, в висках внезапный гвалт, на колено припадаю, меряю собой асфальт, на губах снежинки тают. Выпорхнул, как мотылек, дух из тела при ударе, красной камедью потек лоб, застыв на тротуаре.

Вихри черные кружат, обволакивают тени; не пойму, рай или ад, в жутком нахожусь смятенье. Быстротечную канвой хлынули воспоминанья. Я, потерянный собой, с новым миром жду свиданья.

Сущностей круговорот, сгустки света, тени, лица шепчут мне: "Не твой черед", - убеждают возвратиться. Им бы радость или грусть, вечность вечностью, но правда - до эмоций, слов и чувств ненасытная здесь жажда.

Тело я свое нашел, любопытных набежало: миру бренному в укор, где-то неотложка встала. Холод, пот течет рекой, вник к себе, как к истукану. Бледный, кожа с зеленцой - смерть ужасна, врать не стану.

Вновь иду вдоль мостовой, хмур народ, конец недели - уикенд очередной, на работу в понедельник.

Не дай, Боже, нам уйти, по случайности убиться, в кущи вечной пустоты раньше времени явиться.

Война

Растерянность, разруха, страх и голод,
Скорбь вдов и безутешность матерей,
Уклад, что так нещадно перемолот,
Беда, что ворвалась в сердца людей.

Расставила война посты-погосты
Из тысяч обелисков, скорбных плит,
Могильные кресты, курганов звезды -
Оставил частоколами фашист.

Казалось бы, давно все это было,
Теперь уже другие времена,
Ах, если б людям мудрости хватило
Не допустить, чтоб вновь пришла война.

Все меньше в День Победы ветеранов,
Редее поколение к весне,
Все красочнее клумбы из тюльпанов,
Бледнее память об ушедших на войне.

Птицы

Выл неспроста минометный снаряд,
Взрывом накрыло в окопе ребят;
Только призвались, в атаку не шли,
Смерть свою в грязном окопе нашли.

Ёкнуло сердце у мамы бойца,
Тихо присела, улыбка с лица,
Сердце рыдает, а слезы из глаз,
Не обманулось оно в этот раз.

Ветром, ворвавшийся вихрем в избу,
Свечи погашены в красном углу,
Годы пророча, кукушки кричат,
Пушки умолкли, хоронят солдат.

Села земля под солдатским холмом,
Вместе лежат, как в окопе одном,
Нет канонады во вспышках зарниц,
Лишь колокольцы кочующих птиц.

Ветеран

Он радовался белым облакам
И вслушивался в дуновенья ветра,
Без малого столетний ветеран
Ловил весну, что пробудилась щедро.

Лицо, как будто вырвалось из тьмы,
Подернуто, испещрено, и что же,
Вбирать в себя пришествие весны
Никто так кротко досыта не может.

Изношенный, с десятками наград,
Мундир солдатский, грузные ботинки,
Что впору ветерану был наряд,
Ни стать его не скажет ни морщинки.

Мальчонка, ротик бантиком открыв,
Тянулся к старику с тремя цветками:
«Спасибо, деда, Вам за то, что жив,
За голубое небо с облаками!»

Другая война

Мне в войну не довелось
В бой идти без автомата,
Чувствовать, как стынет кровь
В жерле огненного ада.

Не взывал в бреду "Сестра",
Вывернутый наизнанку,
С кличем боевым "Ура!"
Напролом не шел на танки.

Подрываясь и горя,
Месивом живым я не был,
Матом кроя и оря,
С ужасом взывая к небу.

Не берег в бою я честь,
Целой погибая ротой,
Землю не случалось есть,
С кровью смешанной и потом.

Не кормил в госпиталях
Вшей, отдавшись божьей воле,
Не рыдал, на костылях,
Тяжкой сокрушаясь доле.

Не добит, штыком пронзен,
Сгинув "без вести пропавшим".
Знать, что не напрасно всё -
Главная награда павшим.

9 мая

9 мая, праздничный салют,
Концерты, встречи, танцы, фестивали,
Но нет среди зрителей, к несчастью, тут
Тех, кто тогда победу нам ковали.

Весна, цветы, но в сердце холодок,
И одиноко как-то, сиротливо:
Нет ветеранов, вышел жизни срок,
Не то вот-вот пройдет неотвратимо.

Вы извините нас - не сберегли,
Не оградили от лишений, смерти.
Всегда мы делали то, что могли:
С размахом, громко День Победы встретить.

Когда ты поёшь

Когда ты поёшь - я плачу,
Не чувствуя влажности глаз,
Сбиваюсь дыханьем, захвачен
Волшебностью песенных фраз.

Твоим восхищенный талантом,
Я вместе исполнить тянусь:
Ну как же так можно? - так ярко,
Так искренне - просто дивлюсь.

Как многое музыка значит,
Имея над чувствами власть;
Когда ты поёшь - я плачу,
Не чувствуя влажности глаз.

Памяти Владислава Галкина

Случается, когда всё против,
Всё вопреки, наперекор.
Удачливой быть разохотив
Судьбу, себе шьешь приговор.

Как будто разом наikipело,
Торопится вершиться суд,
Кумира жгут остервенело
Напалмом праздных пересуд.

В бессилье из себя выходишь,
Затмение, мыслей кавардак,
В работе счастья не находишь,
И в жизни, в общем, всё не так.

Несчастливым быть - не оправданье,
Нам не понять чужой тоски:
Труды, награды и признание
К чему, когда всё вопреки.

Не вынес полосы препятствий,
Всё прямо в душу восприняв,
Сгорел в упорном самоедстве,
У нас у всех себя отняв.

Евгений Павлович Леонов

*Памяти
любимого актера*

Прекрасный драматический актер,
Прославившийся в жанре комедийном.
Лицо с хитринкою и теплый взор
Дарили обаяние без грима.

Талант и самобытная игра,
Ярки, без исключения, все роли,
И в "Белорусском...", рвущем из нутра,
И Коли, приживале из "Афони".

Забуть такие образы нельзя,
Сыграть еще искуснее тем паче:
Чатланин Уэф в картине "Кин-дза-дза!";
Доцент-редиска, джентльмен удачи.

Я рад, что посчастливилось успеть
Пожить в эпоху мастера немного,
И о Марусеньке в застольях петь,
Что белые у речки мыла ноги.

В тот зимний вечер, в свой последний час,
Спеша на "Поминальную молитву",
Он улетел, тепло оставив в нас,
К себе на марсианскую орбиту.

Жизнь

В каждом дереве теплится жизнь,
В каждой твари — душа и привычки.
Уверяю, не ставя кавычек,
Неспроста на Земле мы сошлись.

За хрустальной прозрачностью лет,
В безнадежно далеком просторе,
Может кто-то с надеждой во взоре
Смотрит в небо, а может и нет.

Жизнь дана и грибку, и листку,
И невидимой глазу букашке
Только раз, и не будет поблажки:
Час одним, век другим на веку.

Во Вселенной, как в лодке, одни,
Ничего нет понятней и ближе,
Жизнь иную, как можно принизить,
Раз так зыбко Земля нас роднит?

Править творчество

Править творчество - чувства ломать,
Лезть непрошено в душу руками.
Не по нраву, так что подгонять
В архаичный штакетник азами.

Если порчею тронут язык,
Несуразное видится где-то,
Ну и что, и к чему тут ярлык,
Коли кто-то играет в поэта.

Из набора, что каждому дан,
То ль трудом, то ли Божьей искрою,
Кто-то может создать бриллиант,
Кто-то мучает слово игрою.

Я за то, чтоб не править чувств,
Ковыряться в иных дело тонкое.
Рвутся чувства, затронешь чуть -
Все равно, что побить ребенка.

Стихи, сонеты...

Стихи, сонеты, рубаи и хокку
Лишь в посвященных будят ураган
Восторга рифме, образу и слогу,
Тем вопреки, кто скажет: "графоман".

Иным, всё - словоблудие без проку,
Рифмованный сознания туман,
Пока им не откроет чудо-строку,
Такой вот от поэзии гурман.

Дань отдавая признанным поэтам,
Признательность читающим стихи,
Способным, иногда авторитетом,
Брильянты выделять среди шелухи.

Пир красоты, печали и любви -
Стихи, сонеты, хокку, рубаи.

Портал

Портал открылся, ночь, часы стучат,
Спать три часа еще и на работу,
Строчу размашисто и сгоряча,
Не отрывая ручки от блокнота.

Летя по звездному пути небес,
Груз вдохновенья расплескал возница,
Как много красок приземлилось здесь,
Мне предстоит наутро восхититься.

Портал закрыт, и надо бы поспать,
Не нагляжусь прекрасной рифмой, словом:
Доволен тем, что удалось поймать,
И, как рыбак, горжусь своим уловом.

Отрезало

Мне кажется, мой ангел был влюблѐн,
Спросить вы можете: "И что за дело?" -
Тогда слетались музы оголтело,
Нашествием я был воодушевлѐн.

Из рога будто сыпались стихи,
Два года фантастического рвения,
То были их забавы - нет сомнения:
И перлов горсть, и куча чепухи.

Теперь же, как отрезало - хлопбысь:
Стремление есть, но нету вдохновения
На прозу малую, стихотворение.
Я ангелу шепчу: "Прошу, влюбись!"

Поэзия и рэп

Поэзия уделом зрелых стала,
Подержанных, но выдержанных лиц.
Откуда ж молодежь её познала? -
От модных рэперов и поп-певиц.

Совковой нет любви к литературе,
Никто не прививает вкус к стихам.
Навязана любовь к иной культуре,
К другим сюжетам и чужим грехам.

Но вкладываю я сомненья в ножны,
Вникая в нескольких речёвок суть.
Поэзия и рэп близки? - возможно,
Похож и творческих скитаний путь.

Глагол

Порой глаголом наш язык
Блеснет возвышенно и дивно,
Изысканно, без закавык,
Хотя, и будто бы старинно.
Как то: "Вельможей восседать
В уютной мягкости дивана.
Вкушая яства, созерцать
Движенья девичьего стана".

"Возрадоваться", "созерцать" -
Неторопливость, упоенье.
"Вкушать", "внимать" и "услаждать"-
Спокойствие и наслаждение.
Так Б-гу славу воздают,
Превознося глаголом речи,
Псалмы хвалебные поют,
И в проповедях души лечат.

Давайте будем применять
Глаголы эти между прочим.
Ведь, право слово, благодать,
Как в «Тысяча и одной ночи».

Поэт-живописец

Когда бы мастером поэт был кисти,
Какие бы картины он писал,
Какой палитрой выражал бы страсти,
Какую б рифму в образы вплетал,
Воздал ли бы он красоте осанну,
И женщину вознес бы до небес?
А живописец, впрочем, тоже самое,
Привнес ли бы в поэзию чудес?

Грань

Между сном и явью лопнула грань. Лопнула случайно, как стекло автомобиля от внезапно выброшенного из-под чужих колес камня. Наверное, на этот раз безвозвратно, и как прежде уже не будет.

Не первый раз я упираюсь в её кроваво-соленую суть, и она всегда отталкивала меня. Теперь брожу туда-сода, не ощущая границ. Где нахожусь - угадываю с трудом, и где лучше - не знаю.

Хотя, знаю - лучше, когда рядом ты. Где тебя носит сейчас? А, может, меня?

Иногда кажется, что еду в электропоезде, и даже слышно, как издают свое унылое "та-та" проходящие стыки рельсов колеса.

Сейчас же что-то не так, по-другому. Звуки слышатся отчетливо и неотвратимо усиливаются.

Два круга света, как от фар электропоезда, надвигаются на меня, поглощая всё мое сознание.

Может быть я умер...

Свет. Много света. Твои красивые, нежные, добрые, влажные от слез глаза.

"Слава Богу, вернулся!" - прошептала ты.

"Сон", - подумал я.

Потолок. Стены. Больничная койка. Медицинский прибор со своим знакомым унылым "та-та".

Суперлуние. Муза

Проснулся посреди ночи как от грубого толчка в бок. Смотрю на часы: черт, всего только два часа ночи. Поворачиваюсь на другую, нетронутую причудившимся ударом, сторону тела. Но что-то не дает уснуть - не то боль от повреждения, не то внезапно сошедшая на меня пустота. Вроде не ужирался на ночь.

По прошествии получаса или около того, сажусь на кровати и оглядываюсь по сторонам. Да, надо бы прибраться: несколько снятых и брошенных мною на неделе носков как будто с укоризной выглядывают с разных концов комнаты. Светло для этого времени суток. И правда, за окном большая луна - суперлуние, о котором трендят уже несколько дней интернет и телевидение. Открываю окно, выглядываю на неё, пытаюсь восхититься торжеством момента, но, кажется, навязываю себе необходимость получения этого самого наслаждения.

Внезапно, знакомой уже болью в бок, пришло откровение - ты от меня ушла. Ушла уже давно. Бросила, оставив растерянным в трусах в неубранной квартире. Ты ведь раньше так не поступала со мной. Даже когда мне было не до тебя, я чувствовал твоё, бродившее не очень далеко, искрящееся светом тепло. Стоило только отыскаться времени, правильно позвать, и ты возвращалась.

Жажда охватила меня, открыл холодильник: в нижнем боксе для овощей будто бы притомилась в ожидании бутылка водки. «Не жрать!» - рывкнул кто-то внутри меня, и рука послушно потянулась за лежащим чуть выше пакетом кефира: «Живут же без тебя, хлеб жуют и ничего. И я буду».

Четыре часа ночи. Суперлуние. В разбуженном барабане стиральной машины вращается с дюжину мужских носков. И все же я буду ждать тебя, пока живу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	5
Очаг	7
Мой город Дербент	9
Лезгинка	11
Мама	12
Флажочек чувств	12
Старый виноградник	13
По Сальмана	14
Мое село	15
Нежность	16
Отчий дом	16
Мой дед остался молодым	17
Я не помню	19
Змея	20
Мугам	21
Счастливый человек	22
Папа	23
Шалом, бирор!	24
Спускаюсь с горного селения	25
Три орленка	26
Где б я ни был	27
Горцы на чужбине	28
Турнир по нардам	29
Вопрос сыну	32
Шалахо	33
Звездный пес	34
Когда-то	34
На торжестве	35
Время черных чернил	36
Младшая сестра	37
Двадцать лет спустя	38
Новый год	39

Фея	41
Пропустил школу	42
Мамины руки	42
Игрушечная история	43
Прощай	44
Не просите напрасно	44
Вьюга	45
В доме предков	46
Буся	46
Моя Одесса	47
Электричка 7.14	48
Холокост	49
Родина	50
Мать или мачеха (размышления о родине)	51
Наши имена	52
Одна на всех	53
Горяночка	54
Машиах (поэма)	55
Израильтянка	62
Зен жугьур (на языке джуури)	63
Пели бабушки	64
Семейный праздник	65
Брат	66
Мангальщик	67
Пою!	68
В Дербенте дождь	69
Бат-Мицва	70
Поцелуй	71
Цветочек от любимой	73
Кунак	74
Старый тутовник	75
Пальцы барабанщика	76
Пятьдесят	77
Старый кларнетист	78
Твои года не те	79
Гатте (чабанская притча)	80
Белые гуси	83
Имя	89

О, женщины!	91
О, женщины	93
Полюбить	94
Не предала, не клялась, не любила	94
Желанная	95
Только не весна	95
Месяц и облако	96
Танец	97
Разные	98
Капает дождик	98
Нас разлучила нелюбовь	99
Причуда	100
Пора любви	100
Ты станешь ангелом моим?	101
Везет	101
Девчонка	102
И расставание не значит ничего	103
Это было	104
Поиграем	105
Наваждение	105
Нежный сон	106
Одуванчик	107
Лет нам осталось	108
Давно не виделись	108
Сынок	109
Любовь не проходит	110
Покой	110
Женщина грез	111
Аленка	111
Не зажглось	112
Пазл	112
Поддался искушению	113
Комета	114
Мечта	115
Цветение персика	115
Совет подруги	116
Химия	116

Прячу душу	117
Светлый сон	118
Нравишься	119
Объяснюсь	120
Будильник	121
Большая медведица	121
Большая девочка	122
Посмотришь ли	122
Да ну их	123
Заинька	124
В ЗАГСе – развод	125
Три девушки	125
Любил ли?	126
Я хороню свою любовь	126
Глаза в глаза	127
Я с тобой	127
Планета	128
Ты обиделась	128
Моя Кармен	129
В поле ромашковым	130
Если знать	130
Смуглянка	131
Зову	132
Егоза	133
Черненькое платье	134
Провожала	135
С неба мушками	136
По белому	136
Градус	137
Дай только шанс	138
Небесный фонарик	139
Забыть	140
Переезжала ты, переезжала	141
Разлукой измеряется любовь	142
Мотыльки	143
Апрель	144
Большая луна	144
Павлин и кукушка	145

Останься до утра	146
Зимний вечер	147
Сердце	147
Прости. Прощай	148
Ущелья	149
Холод планет	151
Старец	152
Сухостой	153
Не хочешь знать порока	153
Мне приснилось	154
Охота	155
Седьмое небо	156
Дух	157
Листочки, облака	158
Жребий	159
Заначка	160
Огонек	160
Весна, скамейка, серое пальто	161
Беда	161
Печень	162
Оригами	163
Ночная сигарета	164
Самолет надежды	164
Ноябрьский ветер	165
Мосток	166
Болезнь уйди	167
Зрелый лист	168
Чистилище	168
Сколько осеней	169
Не будут	169
Свой жребий	170
Проклятья	170
Умиротворение	171
Ветру	171
Выхожу из тела	172
Досада	173
Грузинский ресторан	173

Пансион	174
Твой день	175
Ушла	175
Брак	176
Осенний марафон – 4G	176
Уходишь	177
Спросонок	178
В вихре гендерном	178
Весенние ручьи	179
Весна	179
Собачья верность	180
Питомец	181
Холодный дождь	182
Вкус яблока	182
Синим воротничкам	183
Играю	185
Белый зверь	186
Арктика	186
Пятница	187
Война	188
Птицы	189
Ветеран	190
Другая война	191
9 мая	192
Когда ты поешь	192
Памяти Владислава Галкина	193
Евгений Павлович Леонов	194
Жизнь	195
Править творчество	196
Стихи, сонеты	197
Портал	197
Отрезало	198
Поэзия и рэп	198
Глагол	199
Поэт-живописец	199
Грань	200
Суперлуние. Муза	201

Информация издательства о книге